

история/география/этнография



Олег Ивик

История и география загробного мира



Ломоносовъ
издательство

История. География. Этнография

Олег Ивик

**История и география
загробного мира**

Издательство «Ломоносовъ»

2014

УДК 94
ББК 63.3(0)3

Ивик О.

История и география загробного мира / О. Ивик —
Издательство «Ломоносовъ», 2014 — (История. География.
Этнография)

Свои загробные миры создавали все народы, когда-либо населявшие Землю, и ныне в них насчитывается более ста миллиардов жителей. В те времена, когда живые еще не смели мечтать о выходе в космос, умершие уже осваивали — наряду с подземным пространством — небо и далекие звезды. География потустороннего мира сложна, животный и растительный мир разнообразен, а история насыщена войнами, революциями и борьбой за власть. Вот только сношения с ним несколько затруднены, хотя Одиссей и Брендан доплывали до него на своих кораблях, Данте Алигьери, посетив его, оставил отчет в стихах, а некоторые властители отправляли туда послов, и, как утверждается, не без успеха. Авторы, работающие под псевдонимом Олег Ивик, соприкоснулись с изучением мира мертвых, работая в археологических экспедициях; кроме того, они изучили множество текстов разных времен и народов. Результатом их изысканий стало историко-географическое исследование загробного мира с древнейших времен до наших дней.

УДК 94
ББК 63.3(0)3

© Ивик О., 2014

© Издательство
«Ломоносовъ», 2014

Содержание

От авторов	6
Общий демографический и исторический обзор	8
Дуат (Древний Египет)	13
Курнуги – «Страна без возврата» (Древняя Месопотамия)	28
Так говорил Заратуштра	38
Питрилока – мир предков (индуизм)	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Олег Ивик

История и география загробного мира

От авторов

- Я написал о Кавказе.
- А вы были на Кавказе?
- Через две недели поеду.

И. Ильф, Е. Петров.

«Двенадцать стульев»

Из беседы Персицкого с Никифором Ляписом



Под общим псевдонимом Олег Ивик работают двое авторов: Ольга Колобова и Валерий Иванов. Взявшись за создание этой книги, они в какой-то степени уподобились печально известному Никифору Ляпису... Увы, авторам не приходилось бывать в загробном мире, и извиняет их, как и Ляписа, лишь тот факт, что они рано или поздно там все-таки окажутся. Впрочем, «отец географии» Эратосфен тоже не бывал нигде, кроме Александрии и Афин. А «отец истории» Геродот, объездив всю ойкумену, в своей работе тем не менее широко приводил малодостоверные рассказы, например, об одноглазых жителях Севера аримаспах или о стерегущих золото грифах. Что же касается авторов этой книги, то они, хотя и вынуждены были работать по чужим материалам, пользовались лишь заслуживающими доверия источниками и личными свидетельствами столь уважаемых людей, как Моисей, Гомер, Иоанн Богослов или Данте Алигьери... Несмотря на то что авторы не пересекали границ загробного мира, им не раз случалось навещать пограничные территории, участвуя в археологических раскопках. И если могильную камеру кургана можно в какой-то мере рассматривать как «прихожую» и «кладовую» царства мертвых, то эти помещения авторам хорошо знакомы, равно как и многие их обитатели.

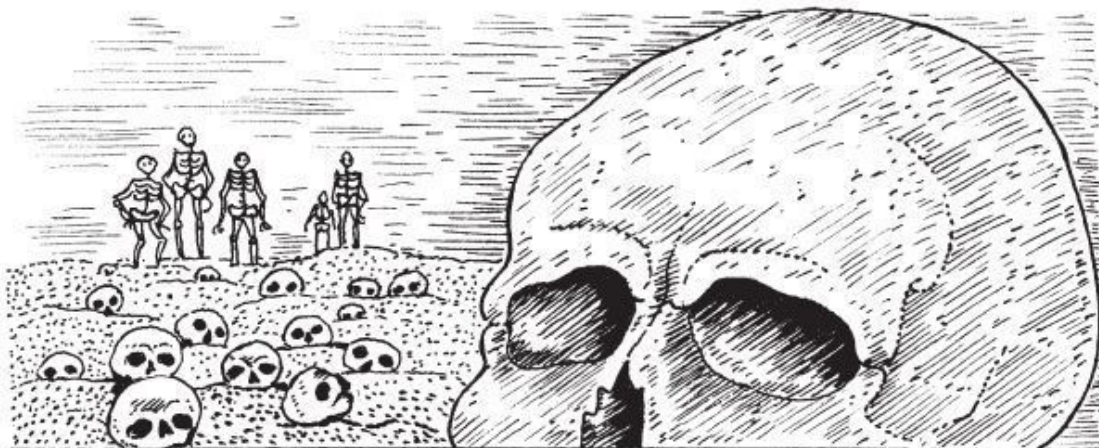
В настоящей книге рассматривается общая демографическая картина загробного мира и дается историко-географическое описание наиболее изученных его территорий. Небольшой объем и обзорный характер книги не позволяют использовать ее в качестве путеводителя, поэтому тем, кто намерен лично посетить эти места, авторы рекомендуют обратиться к списку литературы: некоторые из перечисленных там текстов, например «Бардо Тхёдол» или египетская «Книга мертвых», специально создавались как руководства для переселенцев.

В книге приводятся выдержки из путевых заметок ряда авторов, посещавших различные загробные царства в разные эпохи.

В заключение авторы выражают благодарность директору Института ноосферных разработок и исследований, академику Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности Б. Г. Режабеку, который проконсультировал их по сложным вопросам космологии и физики загробного мира, а также отговорил от попытки провести в реальных условиях мысленный эксперимент Гесиода по бросанию наковальни в Тартар, объяснив, что при этом значительная часть атмосферы может втянуться в образовавшуюся дыру, что приведет к нежелательному изменению климата.

Авторы благодарят также сотрудника Института космических исследований РАН, к.ф.-м.н. Б. Е. Мошкина, который убедил их в правомерности применения к падению бога Гефеста третьего закона Кеплера.

Общий демографический и исторический обзор



Загробный мир – величайший среди известных нам обитаемых миров. Правда, пока нам известно всего два таких мира, но, учитывая, что его население составляет по разным оценкам от шестидесяти до ста с лишним миллиардов человек (именно столько людей умерло на Земле за всю историю ее существования), у нас есть основания предположить, что такого количества разумных обитателей нет ни на одной планете. Конечно, по количеству умерших трудно установить точную численность населения загробного мира, поскольку, возможно, не все они туда попали и, во всяком случае, далеко не все ушли в мир иной навсегда. Скажем, буддисты имеют тенденцию возвращаться в мир живых. Но даже среди буддистов «невозвращенцы» преобладают, поскольку наиболее просветленные граждане сразу уходят в нирвану, а наименее просветленные распределяются между мирами голодных духов, ревнивых богов и пр. И лишь очень немногие возвращаются в мир живых. Что касается представителей других конфессий, то количество переселенцев из загробного мира у них крайне мало. У христиан это всем известный Лазарь. У древних греков – Орфей, Семела, Асклепий, Геракл, Тесей... Всего лишь несколько имен, которыми в рамках статистики можно пренебречь. Пренебречь с тем большим основанием, что все названные лица, вернувшись однажды из загробного мира, в конце концов вновь туда попали.

Индуистов и буддистов, возвращающихся из загробного мира, в какой-то мере уравнивают «статуэтки слуг» и «ушебти», которыми в период с третьего по первое тысячелетия до н.э. населяли свое загробное царство египтяне, причем сплошь и рядом на одного человека-переселенца приходилось по несколько ушебти (см. главу «Дуат»). Кроме того, к жителям загробного мира можно отнести незначительное коренное население: богов, духов, валькирий и пр. Поэтому можно утверждать, что население загробного мира на 2014 год составляет, во всяком случае, не менее шестидесяти миллиардов жителей.

Демографическая картина этого мира в чем-то сходна с демографической картиной земли: в двадцатом – двадцать первом веках там проявилась тенденция к заметному росту и старению населения (за счет роста населения и резкого снижения детской смертности в нашем мире). В настоящий момент прирост населения в загробном мире составляет более пятидесяти миллионов человек в год (возможно, эта цифра слегка завышена за счет покидающих его буддистов и индуистов). Причем естественный прирост населения практически отсутствует, и рост численности происходит благодаря мощной иммиграции.

Выход из загробного мира возможен в основном из районов с буддистским и индуистским населением. В других регионах считанные попытки вернуться на землю достаточно

часто терпят неудачу (как в случае Орфея и Эвридики). Смертность в загробном мире невелика и не оказывает заметного влияния на численность населения. В некоторых регионах она практически нулевая. Кое-где (египетское царство мертвых) существует отличная от нуля вероятность, что после пересечения границы царства прибывший туда умрет вторично, будучи скормленным за свои грехи льву с головой крокодила. Во избежание подобных инцидентов для поступающих в загробный мир на постоянное жительство разработаны путеводители и руководства (египетская «Книга мертвых», «Бардо Тхёдол» и пр.).

В большинство регионов въезд свободный, иногда достаточно уплатить лишь небольшую пошлину на границе (например, в Аиде это был один обол, что во времена массового переселения примерно равнялось стоимости одного литра дешевого вина). Но есть и области с весьма ограниченным доступом (христианский рай). Во многие регионы вход разрешен только по национальному или конфессиональному признаку.

Политическая география загробного мира мало исследована. Известно, что он состоит из ряда государств, большинство из которых представляют собой абсолютные монархии. Царства эти, в свою очередь, делятся на области и регионы, причем членение бывает иногда достаточно сложным. В качестве примера можно назвать католические ад, чистилище и рай (наиболее хорошо исследованные территории загробного мира, известные нам по путевым заметкам Данте Алигьери). Административное деление производится иногда по самым неожиданным признакам, например по половому: так, в Вальгалле живут преимущественно мужчины (не считая некоторого количества валькирий).

Хозяйственная и прочая деятельность населения загробного мира очень сильно зависит от региона. В загробном мире древних египтян она полностью повторяет земную, но для занятий ею существуют дубликаты покойников, упомянутые выше ушебти, численность которых значительно превосходит численность людей. В Вальгалле трудовая повинность заменена воинской службой. Известны территории полного ничегонеделания (Аид на ранних этапах истории). В целом можно считать, что в большинстве регионов загробного мира население ведет приятный и необременительный образ жизни. И лишь в некоторых царствах имеется нечто вроде концентрационных лагерей с принудительными работами. Так, в Аиде примерно в двенадцатом веке до н.э. возникло отделение для преступников, таких, как Сизиф и Данаиды (подробнее см. главу «Царство Аида»).

Первые жители загробного мира, о которых сохранилась вполне достоверная археологическая информация, стали переселяться в мир иной в эпоху среднего палеолита. Древнейшей известной группой переселенцев сегодня считают три десятка человек, останки которых найдены в 15-метровом карстовом провале, неподалеку от входа в пещеру Куэва-Майор на нагорье Сьерра-Атапуэрка в Испании. Среди них было немало детей, и почти никто не перешагнул тридцатилетний рубеж. Они жили примерно 300 тысяч лет тому назад, и их считают гейдельбергскими людьми – предшественниками неандертальцев.

Конечно, ученые не раз находили и более древние останки, но нет никаких оснований думать, что их владельцы собирались отправиться в иной мир и как-то готовились к этому переселению. Что же касается жителей Сьерра-Атапуэрки, они захватили с собой в последнее путешествие великолепно обработанный пятнадцатисантиметровый бифас (заостренное с двух сторон орудие) из розового кварцита. Поскольку этот бифас не имеет следов использования, специалисты считают, что он попал в могилу не случайно, а был намеренно положен туда для посмертного употребления. Не слишком роскошное имущество для такой большой группы, но ведь это была едва ли не первая волна переселенцев, и традиции проводов в загробный мир еще не успели сложиться.

Примерно такая же по численности группа переселенцев-неандертальцев отправилась в загробный мир 130 тысяч лет тому назад с территории современной Хорватии (пос. Крапина). Считается, что с этого времени неандертальцы освоили загробный мир, сфор-

мировали о нем достаточно четкое представление и стали заботливо провожать туда своих умерших. Правда, забота эта носила иногда не вполне понятный характер: ранние неандертальцы, похоронив покойного, со временем расчленили его и изымали череп или укладывали его отдельно. По-видимому, в неандертальском загробном мире можно было часто видеть несчастных жителей, лишенных головы. Для них это было тем более печальной утратой, что их мозг имел объем в среднем $1400 - 1600 \text{ см}^3$, что превышает объем мозга современного человека ($1300 - 1400 \text{ см}^3$). Ученые считают, что неандертальцы не слишком отличались от нас по своим умственным способностям. Но с головой или без головы, они жили в загробном мире вполне комфортно, по крайней мере, по своим меркам. Они брали с собой каменные орудия, мясо животных и их рога, кусочки охры... Известны могилы, в которые были положены яйца страуса, живые цветы и даже костяная пластинка с резными символами, наводящими на мысль об астрономии.

Впрочем, со временем неандертальцы, видимо, поняли, что голова в загробном мире лишней не будет. Так, знаменитый девятилетний ребенок из пещеры Тешик-Таш был похоронен без расчленения. Объем его мозга составлял 1500 см^3 – огромная цифра, тем более для ребенка. Могила защищена ограда из рогов горного козла, рядом был устроен очаг.

Сохранил голову и неандертальский юноша из Ле-Мустье, давший название неандертальской культуре (мустьерская). 45 тысяч лет назад он был похоронен на территории нынешней Франции. Молодой человек взял в дорогу куски кремня, каменные орудия и большой запас жареного мяса.

Справедливости ради надо отметить, что некоторые исследователи, изучавшие могилы неандертальцев, сомневаются в том, что найденные там предметы были заупокойными дарами, – они допускают, что эти, очень немногочисленные, вещи и тем более кости животных могли попасть туда случайно. Но даже если неандертальцы отбывали в мир иной без какого бы то ни было имущества, соплеменники заботливо провожали их, укладывая в могилу на бок в скорченной позе, – именно так похоронено большинство из них.

По-видимому, в загробном мире неандертальцев обитало немало медведей. Во всяком случае, люди принимали все меры по их переселению туда. Известно большое количество медвежьих могил. Так, в пещере Регуду во Франции был похоронен целый бурый медведь. Его сопровождал ритуальный камень с отверстиями и части туш других медведей. Тело было накрыто плитой, весящей 850 килограммов.

В Нерубайских катакомбах под Одессой найдены останки четырехсот медведей. А неподалеку, возле села Ильинка, – кости еще пятисот зверей, в основном медвежат. Это не отходы «перерабатывающей промышленности» неандертальцев, а именно захоронения; некоторые из них совершены в специальных каменных ящиках.

Судя по костным останкам, медведей в загробном мире неандертальцев было заметно больше, чем людей. Среди ученых существует мнение, что далеко не все неандертальцы удостоились посмертного существования. Во всяком случае, отнюдь не каждого из них специально снаряжали и провожали в мир иной. Подсчитано (хотя и очень приблизительно), что на сегодняшний день археологи раскопали лишь одного погребенного неандертальца на миллион живших. Эта цифра очень мала, если учесть достаточно многочисленные найденные стоянки. К тому же погребения, как правило, носили единичный характер, не больше двух-трех человек в одном месте (а чаще всего – единственный погребенный). Родовые могильники появляются гораздо позднее, через много тысячелетий после полного переселения неандертальцев в мир мертвых. Возможно, погребения в специально отведенных местах удостоивались только особо выдающиеся члены племени; останки же всех прочих могли быть брошены на растерзание зверям, птицам или рыбам и не сохранились до наших дней. Посмертная судьба этих людей (или ее отсутствие) остается под вопросом.

В течение десятков тысячелетий неандертальцы сосуществовали бок о бок с людьми современного антропологического облика, но примерно 35 тысяч лет тому назад *Homo sapiens sapiens* почти полностью вытеснил неандертальцев из мира живых. С этого времени, в эпоху верхнего палеолита, заселение загробного мира пошло быстрее, а хозяйственная и культурная жизнь в нем стала гораздо богаче. Покойные прихватывали с собой кремневые ножи, скребки и проколки, костяные ложила и иглы, собираясь продолжать ту же работу, что и на земле. Охотники брали копья и дротики. Но главной ценностью в загробном мире в этот период, как ни странно, считались украшения.

Переселенцы отправлялись в мир иной в одежде, украшенной бусами, просверленными морскими раковинами и клыками животных. В моде были подвески, ожерелья, диадемы, браслеты из бивня мамонта. Хорошо известный археологам мужчина из могилы на стоянке Сунгирь, на окраине современного Владимира взял с собой в загробный мир лишь несколько немудреных даже по тем временам каменных инструментов. Зато одних только бусин, которыми была расшита его одежда, археологи насчитали больше трех с половиной тысяч. Специалисты утверждают, что изготовление одной такой бусины из бивня мамонта занимает в среднем 45 минут. Таким образом, работа над полным комплектом бус, украсивших одежду сунгиря, требовала более двух с половиной тысяч человеко-часов; иначе говоря, один человек, работая по восемь часов в день, должен был истратить на это около года. Кроме того, на мужчине были найдены двадцать браслетов, тоже из бивня мамонта, а шапка его была расшита двадцатью клыками песца.

К концу палеолита по очень приблизительной (и спорной) оценке на земле ежегодно умирало около ста тысяч человек. Сколько из них отправлялось в загробный мир, а сколько – в небытие, сегодня судить очень трудно. Во всяком случае, проводов и сборов в загробный мир удостаивались далеко не все. Но начиная с мезолита (обычно не ранее двенадцатого тысячелетия до н.э.) и особенно с наступлением неолита (обычно не ранее восьмого тысячелетия до н.э.) загробный мир широко распахивает свои двери не только для избранных (как это, по видимому, было до тех пор), но и для большинства желающих. Появляются родовые могильники, в которых с надлежащими церемониями погребают даже самых захудалых членов рода. В эпоху бронзы в степях Южной Европы вырастают гигантские курганные гряды. За три тысячи лет до новой эры их начали воздвигать для своих умерших племена, о жизни которых сегодня не известно почти ничего, но зато о смерти – очень многое. Мы не знаем, как они называли себя, и археологи зовут их по конструкциям могил, вырытых под курганной насыпью: ямники, катакомбники, срубники... В конце второго тысячелетия до новой эры, во времена срубников, в загробном мире кочевников Европы отмечен резкий демографический взрыв. Археологи находят невероятное количество могил этого времени. Большинство из них очень бедны: срубники отправлялись в загробный мир, прихватив с собой, как правило, грубый лепной горшок и немного мяса. Непонятно, на что они рассчитывали, – быть может, на то, что их приютят и дадут им средства к существованию ранее умершие племена и народы. По крайней мере, чужие курганы срубники использовали, нисколько не смущаясь тем, что у них уже есть владельцы. Тысячи курганов, возведенных ямниками и катакомбниками для себя, были захвачены новыми хозяевами степей, которые могли подселить в один большой курган до полусотни обитателей. И, судя по всему, ни о каком порядке, ни о какой зарождающейся государственности в загробном мире степняков Европы речь еще не шла. Тем временем в загробных мирах Востока – Египта, Междуречья, Китая – давно уже наступила историческая эпоха: существовали первые государства, создавался чиновничий аппарат, действовали суды, вводились законы. Древняя Греция еще была разделена на крохотные полисы, а в объединенном греческом Аиде уже существовала мощная система единовластия.

Молодые мировые религии, подчиняя себе государства и континенты, перекраивали карту загробного мира. Религиозные войны бушевали по ту и по эту сторону гроба. В мире

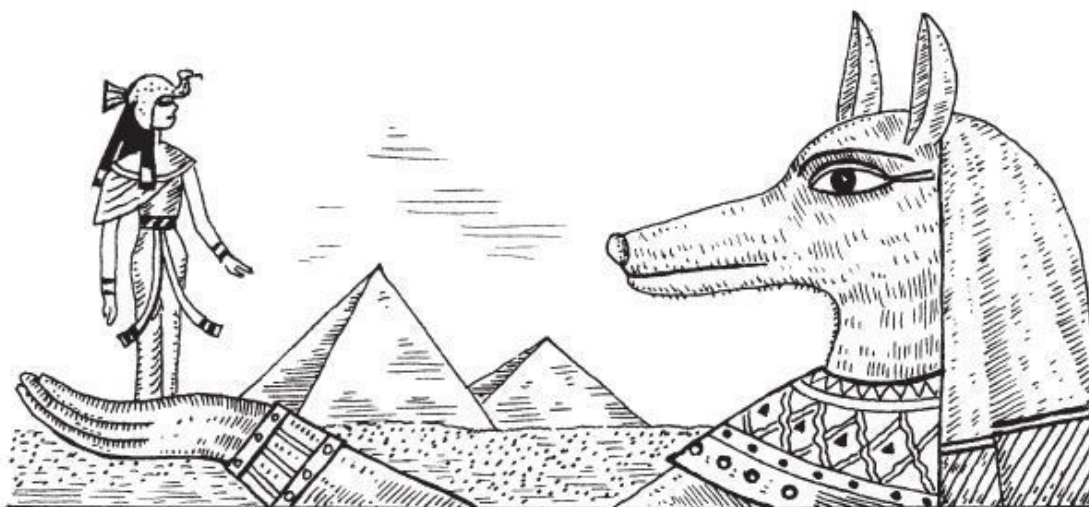
мертвых возникали и рушились империи, сменялись властители, происходили переселения народов. Целые области, такие, как, например, Элизий, исчезли с лица земли. Аид попал в сферу экспансии христиан и стал всего лишь одной из областей их загробного царства наряду с чистилищем и раем. Рай был перенесен с территории Эдема в Азии в небесные сферы. Ад, в свою очередь, претерпел заметные изменения в 2006 году: специальным постановлением Папы Римского Бенедикта XVI там было ликвидировано детское отделение Лимба и все его население было благополучно переселено в рай.

Умершие осваивали космическое пространство, и уже в четырнадцатом веке Данте, совершивший в обществе Беатриче межпланетное путешествие, подробно описывает колонизацию планет Солнечной системы душами праведных христиан.

История загробного мира столь же ярка и полна событиями, как и история мира живых. К сожалению, знакомство с ней в нашем мире носит несколько односторонний характер, что прежде всего вызвано ограниченностью источников. Существует значительное количество письменных памятников, в которых дается географический, политический и этнографический обзор потусторонних царств, но большинство из них созданы людьми, которые на момент их написания не являлись жителями загробного мира. Образцы материальной культуры и предметы искусства, имеющиеся в распоряжении исследователей, как правило, были созданы в мире живых и попали в потусторонний мир вместе со своими владельцами. Предметы, непосредственно произведенные в мире мертвых, по видимому, весьма редко попадают в руки живых ученых и коллекционеров – по крайней мере, авторам не известен ни один достоверный случай.

Все это значительно затрудняет исследования. Тем не менее авторы настоящей книги предприняли скромную попытку обрисовать вкратце историю и географию основных, наиболее изученных государств загробного мира. В силу явного недостатка информации им пришлось пренебречь доисторическим периодом, ограничившись лишь кратким его обзором. Авторы вынуждены были пренебречь и многими отдаленными и малоисследованными областями загробного мира, даже если они существуют по сей день. Более или менее подробно рассматривается история крупнейших государственных образований мира мертвых, оказавших наибольшее влияние на развитие обоих миров.

Дуат (Древний Египет)



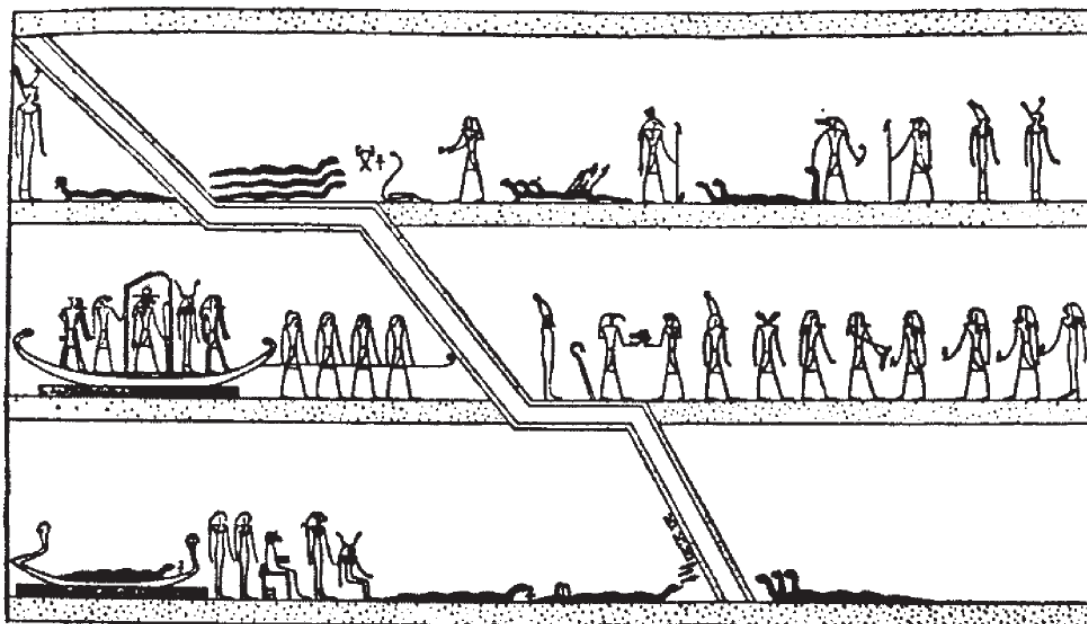
Загробный мир Древнего Египта, Дуат (или Херет-Нечер), имел очень сложную историю и топологию и был тесно переплетен с миром живых, точнее, с четырьмя другими мирами, из которых состояла вселенная: небом, землей, водой и горами. Как возник Дуат, доподлинно не известно. Впрочем, происхождение всей египетской вселенной – дело достаточно темное и, возможно, очень давнее. В «Туринском царском каноне», созданном в эпоху Нового царства, перечислены боги, правившие Египтом до того, как власть во второй половине четвертого тысячелетия до н.э. перешла к первым фараонам. Если сложить сроки царствования, получаем тринадцать тысяч лет только для тех богов, для которых эти сроки обозначены (а они в меньшинстве). Таким образом, есть основания думать, что египетская вселенная была создана значительно раньше, чем, например, вселенная христиан и иудеев.

О том, как именно она была создана, разные источники рассказывают по-разному. Во всяком случае, она возникла из хаоса, называвшегося Нун. Достаточно скоро из него выделился первоначальный холм (на котором позднее возник город Иуну, больше известный под греческим названием Гелиополь – город Солнца). Кроме того, по одной из версий, родившийся из хаоса бог солнца Атум (Ра) оплодотворил сам себя и родил бога воздуха Шу и богиню влаги Тефнут, а те, в свою очередь, родили бога земли Геба и богиню неба Нут, которые нас интересуют в первую очередь, поскольку загробный мир египтян в основном был сосредоточен на земле, под землей и на небе. Богиня Нут иногда отождествлялась с женщиной, изогнувшейся от горизонта до горизонта. Существовало и представление о Небесной Короле, богине Хатор, усыпанной звездами. Но будь небо женщиной или коровой, по животу у нее протекала одна из важнейших рек мира, небесный Нил, по которому позднее стал плавать в своей ладье бог солнца Ра. А пока что Ра правил на земле, совмещая бремя государя с заботами по освещению и отоплению: он жил на священном Холме Бен-Бен в Гелиополе, ночью спал в цветке лотоса, а по утрам взмывал в небеса и в облике сокола летал над своим царством. Иногда он опускался слишком низко, и тогда начиналась засуха. Так было изо дня в день, из года в год.

Ра правил долго, и в конце концов он устал от власти. Отметим, что это весьма редкий случай: бог сам уступает верховную власть своему преемнику. Сначала Ра хотел передать бразды правления богу Тоту, но Тот не согласился царствовать один, и некоторое время они правили вместе. По-видимому, это сильно облегчило жизнь Ра, во всяком случае, он прекра-

тил бессистемное блуждание по небу и упорядочил свою деятельность. Возможно, в этом сказалось влияние Тота, который был богом мудрости, счета и письма и считался вдохновителем интеллектуальной жизни Египта. Теперь днем Ра путешествовал на своей ладье по небесному Нилу, совершая путь от востока до запада, ночью он спускался к горизонту и плыл по Нилу подземному, а Тот, ставший по совместительству богом Луны, всходил над землей в отсутствие Ра. Существуют сведения, что к установлению этой системы приложила руку и жена Тота, богиня порядка Маат.

Однако в конце концов Ра все#таки отрекся от престола (хотя и не отказался от выполнения обязанностей бога солнца). И, уже покинув трон, а заодно и землю, создал первую обитель мертвых – Поля Покоя. По поводу того, находятся они на небе или под землей, существуют разногласия, возможно, имеются две области Полей. Весьма вероятно, что Ра создавал эти места не столько ради усопших, сколько ради себя самого. Что же касается покойных переселенцев, они стали направляться туда значительно позднее, не исключено, что к удивлению и вопреки намерениям самого Ра.



Четвертая долина подземного Нила. «Книга Амдуат». XVI в. до н. э.

«И будут для меня тростники и травы там!» – воскликнул солнечный бог, и произошли Тростниковые поля, сказано в так называемой «Книге Коровы», высеченной на стенах гробниц фараонов Девятнадцатой династии. Тростниковые поля, или Поля Иалу, – это, возможно, часть Полей Покоя и, во всяком случае, одна из областей Дуата.

После отречения Ра мудрый Тот не стал претендовать на власть, и корона досталась богу Шу. Позднее его сменил Геб, царствование которого продолжалось (согласно тексту так называемого «Наоса из Сафт-эль Генна») 1773 года.

Итак, каждую ночь Ра спускался на своей ладье под землю, чтобы освещать подземное царство. Но по поводу того, было ли это царство в те времена населено мертвыми, существуют большие сомнения. По-видимому, уже в глубокой древности в долине подземного Нила обитали некоторые боги и многочисленные демоны; к населению можно отнести и живущих у входных врат павианов (они разумны и владеют членораздельной речью). Но что касается душ умерших, в ту далекую эпоху (до начала Додинастического периода, то есть примерно до рубежа V – IV тысячелетий до н.э.) их судьба была весьма неоднозначна.

Если опираться на «Туринский царский канон», то правление бога Ра завершилось более чем за шестнадцать тысячелетий до наступления новой эры. Никаких письменных памятников с того времени, конечно, не сохранилось (да их и не было). И очень маловероятно, что люди уже тогда имели четкое представление о боге Ра, путешествующем для их блага по небесному и подземному Нилу, и тем более о созданных им Тростниковых полях.

Не так давно в пятистах пятидесяти километрах к югу от Каира бельгийские археологи обнаружили древнейшее захоронение, совершенное в Нильской долине около тридцати тысяч лет назад. Покойный был похоронен сидя, и сам факт, что какой-то ритуал был соблюден, наводит на мысли, что умершему предстояло отправиться не в небытие, а в мир иной. Но эта находка уникальна, и есть основания думать, что примерно до пятого тысячелетия до нашей эры Тростниковые поля пустовали либо туда попадали случайные и никак не снаряженные для загробной жизни души. Кто-то, возможно, добирался до неба и вселялся в звезды – отголоски этой информации сохранились в более поздних источниках. Там, на Небесном Дереве, семь молодых богинь по имени Хатхор, с коровьими рогами и солнечными дисками на головах, кормили умерших и играли для них на бубнах и систрах.

Тем временем правление Геба сменилось правлением бога Осириса. Он обучил людей копать каналы, возделывать землю и обрабатывать медь и золото. Если верить «Туринскому канону», произойти это могло не позже двенадцатого тысячелетия до нашей эры. Это наводит на мысль, что либо «Канон» ошибается на тысячи лет, либо божественная наука не пошла людям впровок и они вспомнили о ней позже на пять тысячелетий (исходя из археологических датировок появления оросительного земледелия) или даже на восемь (начало медного века). Но как бы то ни было, Осирис после недолгого правления был убит своим братом Сетом. Жена (и одновременно сестра) Осириса Исида не сумела воскресить мужа, но впоследствии это сделал сын Осириса Гор, которого Исида умудрилась зачать от умершего. Воскресший Осирис тем не менее не захотел (или не смог) оставаться на земле и отправился царствовать в подземный мир, который, возможно, еще не стал в полной мере загробным. Позднее Осирис станет судьей над душами умерших. Но есть основания думать, что в первое время своего пребывания в Дуате он никого не судил, ибо покойных там попросту не было. Когда же они там появились, то никакому загробному суду не подлежали по крайней мере до воцарения на земле Шестой династии Древнего царства (XXIV – XXII века до н.э.). Но от начала подземного правления Осириса до первых фараонов-людей было еще далеко. Пока что их функции на земле последовательно исполняли боги – Гор, Тот, Маат и Птах.

Первые переселенцы, целенаправленно отправляющиеся в загробный мир и снаряженные для жизни в нем, стали более или менее массово покидать Египет в конце пятого – четвертого тысячелетия до н.э. Археологические данные говорят о том, что они брали с собой мотыги, кремневое оружие, гарпуны с костяными наконечниками и сосуды с пищей. Очень большое внимание в потустороннем мире, по-видимому, уделялось косметике, потому что множество египтян захватывало с собой сланцевые пластинки для растирания косметических средств и мешочки с малахитом, который применялся при их изготовлении. Глиняные дома должны были обеспечить их кровом над головой. А судя по глиняным моделям лодок, которые постоянно встречаются в могилах, египтяне собирались по дороге в царство мертвых переправляться через подземный (или небесный) Нил.

К середине четвертого тысячелетия до нашей эры малые государства Египта начинают укрупняться (как водится, за счет соседей). Возникают Южное и Северное царства, которые на рубеже третьего тысячелетия объединяются под властью одного правителя-фараона. К этому времени боги окончательно удаляются на небеса и под землю, и наступает Раннединастический период. Первые фараоны строят первые гробницы-мастабы. Под каменными «зда- ниями» без окон и дверей вырываются колодцы, ведущие в подземные камеры-гробницы.

Мумифицировать египтяне еще не умеют, но уже производятся первые попытки. Конечности покойников пеленают, кожу обрабатывают содой, иногда трупы пытаются препарировать.

В усыпальницы кладут все, что может понадобиться знатному человеку. Не забывают и слуг: одного только визиря Хемака, ушедшего в иной мир в годы Первой династии, сопровождали девятнадцать человек. Царям полагалась более пышная свита, например, вместе с Джером, похороненным в Абидосе, отправились в вечность 338 человек, в основном женщины. Они не были безродными рабынями – каждая была убита и похоронена с соответствующими случаю церемониями, имеет отдельную могилу и каменную стелу с именем. Очень часто слуг пред смертью (или сразу после нее) калечили – есть версия, что это делали для того, чтобы они в загробном царстве не удрали от своего господина. Так что в египетском мире мертвых обитало, по-видимому, немало инвалидов. Многие фараоны того времени не желали удовлетвориться одной гробницей и строили для себя сразу две загробные резиденции, одну на севере страны, другую – на юге. Так, царица Мерьет-нейт после смерти могла обитать, по выбору, либо в Абидосе, где вокруг ее гробницы был похоронен изрядный штат прислуги (41 человек), либо в Саккаре, где царица соорудила еще одну гробницу, а рядом устроила нечто вроде потусторонних мастерских. Здесь были захоронены специалисты: кораблестроитель, художник, мастер по изготовлению ваз, – а с ними и оборудование, необходимое для того, чтобы в загробном мире работы шли не хуже, чем в земном. Кроме того, в Абидосе отдельно от высочайшей гробницы был создан небольшой «рабочий поселок», в котором похоронили еще 77 человек, назначенных в загробный штат Мерьет-нейт. В которой из двух основных резиденций было захоронено тело самой царицы, неизвестно: оно не сохранилось. Но это было не очень принципиально, поскольку для посмертного существования вполне хватало статуи умершего.

Кто не мог или не хотел брать с собой в загробный мир настоящих людей, ограничивался их изображениями, нарисованными на стенах гробниц или скульптурными, которые умножали население мира мертвых. Верность этих слуг господину тоже ставилась под сомнение, поэтому рисунки и скульптуры времен Раннединастического периода часто имеют физические недостатки. Иногда в гробницах встречаются глиняные женские тела, не имеющие конечностей. По-видимому, это наложницы усопшего, которым не требовалось ни рук, ни ног для выполнения своих главных обязанностей.

Вторая четверть третьего тысячелетия знаменуется расцветом Древнего царства и строительством великих пирамид. Повелители Египта отправляются в загробный мир, прихватив с собой все, что может понадобиться для безбедной жизни. Поскольку на посмертное существование в виде мумии особые надежды еще не возлагались (было очевидно, что при всем старании похоронных дел мастеров мумия долго не продержится), усыпальницы дополнительно снабжались статуями покойного, в которые должна была вселиться душа, если мумификация окажется неудачной. А ближе к концу Древнего царства на стенах погребальных камер царей появились так называемые «Тексты пирамид», посвященные прижизненным деяниям и посмертному существованию усопших владык.

Все это время для въезда в загробный мир египтян существовал очень высокий социальный ценз. Туда могли попасть только по личному разрешению фараона: гробницы вельможам возводились лишь централизованно и за государственный счет. Несанкционированное строительство гробниц не позволялось, поэтому все те, кто не достаивался этой чести, никаких шансов на загробное существование не имели. Из «простых смертных» жизнь вечную обретали только слуги, которых погребали вместе с повелителем (впрочем, этот обычай прекратился уже в Раннединастическую эпоху), или те, чьи изображения были нарисованы на стенах гробницы. Портретное сходство не имело значения, достаточно было подписать изображение. Известны случаи, когда египтяне, которым вечная жизнь по статусу не полагалась, прокрадывались в загодя заготовленную чужую гробницу и подписывали под изоб-

ражениями слуг свои имена, чтобы пробраться в загробный мир нелегально. Лишь к концу Древнего царства, преимущественно в провинции, вельможи присвоили себе право сооружать гробницы за свой счет, не испрашивая высочайшего дозволения – благо царская власть ослабла. Вновь подчинив весь Египет, цари вернули и право распоряжаться не только жизнью и смертью, но и посмертным существованием подданных. И только к концу Среднего царства любой состоятельный египтянин вновь получит возможность заказывать гробницу по собственной воле. А те, у кого не будет средств на гробницу и на оплату заупокойных служб и жертвоприношений, начнут организовать собственные похороны поближе к богатому погребению в надежде, что и им перепадут крохи с «чужого стола».

В Додинастический и Раннединастический периоды и по крайней мере при первых двух династиях Древнего царства загробный мир египтян представлял собой не централизованное государство, а отдельные, совершенно автономные «усадьбы», о местонахождении которых было известно только, что они расположены где-то на западе. В мире живых они, кстати, тоже в основном располагались на западном берегу Нила. Каждая из них снабжалась полным комплектом всего, что только может понадобиться в хозяйстве. Торговые и меновые связи между усадьбами явно не предусматривались. Не было и никаких упоминаний о богах на стенах гробниц (хотя они пестрят подробнейшими изображениями потустороннего быта, неотличимого от земного). Хозяин гробницы-усадьбы попадал вместе с ней в изолированный мир, не подлежа загробному суду и не оказываясь под юрисдикцией какого-либо бога. И если при жизни любой, даже самый знатный и высокопоставленный, вельможа был, по сути, рабом фараона, жестко встроенным в социальную иерархию, то в загробном мире он мог насладиться полной и абсолютной свободой не только от фараона, но и от каких бы то ни было богов.

Несколько иной была в те времена (как, впрочем, и позднее) посмертная судьба фараонов. Они, конечно, тоже имели свои изолированные загробные владения, но, в отличие от простых смертных, фараон, будучи богом на земле, оставался им и в потустороннем мире. После смерти он присоединялся к свите бога Ра и вместе с ним начинал совершать ежедневные странствия по небесному и подземному Нилу. Фараонам полагались места в божественной ладье, но многие из них, по-видимому, предпочитали плавать на собственных кораблях, тем более что их сопровождала в этих плаваниях многочисленная свита. Самая древняя из известных нам потусторонних эскадр насчитывает двенадцать кораблей и относится к началу третьего тысячелетия. Она была обнаружена археологами в специальных кирпичных «ангарах» в тринадцати километрах от Нила. Это однозначно говорит о том, что для плаваний в мире живых корабли не предназначались. Длина кораблей – от пятнадцати до двадцати двух метров. Возможно, на них плавают по небесному Нилу уже упоминавшийся нами фараон Джер. Царица Мерьет-нейт сопровождает бога Ра на корабле длиной около восемнадцати метров. Несколько позднее, во времена Древнего царства, на эскадре из пяти кораблей отправился в потусторонний мир знаменитый Хуфу (Хеопс). Одна из его ладей длиной в сорок два метра сохранилась до наших дней; ее и сегодня можно видеть рядом со знаменитой пирамидой в Гизе. Как ни странно, строитель самой большой пирамиды не потрудился взять с собой самый большой корабль: по летописи «Палермского камня» известны и 50-метровые суда того времени.

Несмотря на то что царем подземного мира был Осирис, покойными до конца эпохи Древнего царства ведал его сын Анубис, имевший вид шакала (или человека с головой шакала). В то время как Осирис властвовал над подземным царством вообще, Анубис занимался именно умершими. Впрочем, его функции в те времена были минимальны – как мы уже говорили, все покойные, кроме фараонов, достаточно автономно жили в своих гробницах. А фараоны, поступавшие после смерти в свиту солнца, становились богами, отождествлялись с Осирисом, вступали в ритуальный брак с его женой Исидой и ни о каком

подчинении Анубису или кому бы то ни было не желали даже слышать. Тем более что к подземному царству они прямого отношения не имели. Они еженощно проплывали по нему на своих кораблях, но жили преимущественно в обители богов на небе.

Так, в текстах, высеченных в пирамиде Пепи II (Неферкара), фараона Шестой династии Древнего царства, мы читаем: «Разлилось озеро... Да перевезут отца Неферкару, да перевезут тебя на ту восточную сторону неба, где рождаются боги. Придет этот час завтра, придет этот час послезавтра, когда родится отец Неферкара там. Придет этот час завтра, придет этот час послезавтра, когда отец Неферкара зайдет и восстанет, как звезда на теле неба... Не умер отец Неферкара смертью! Стал духом отец этот, духом... Уведи Неферкару с тобою, Гор! Перевези его, Тот, на крыле твоём!.. О Неферкара, не упадешь ты на землю, ибо схватил для себя Неферкара две сикоморы, которые на той стороне неба, которые перевозят Неферкару и ставят его на этой восточной стороне неба».

В текстах описывается лестница, которая уведет царя на небо, а специальные заклинания, обращенные к богиням, должны обеспечить ему помощниц на этом пути. Потом царь, окончательно отождествленный с Осирисом, возрождается при помощи богинь к новой жизни:

«Говорят они тебе, о Осирис-Неферкара, ты уходишь и приходишь, ты спишь и просыпаешься, ты умираешь и оживаешь! Встань! Посмотри, что сделал для тебя сын твой! Пробудись! Услышь, что Гор сотворил тебе! Поразил он тебе поразившего тебя в образе быка, убил он для тебя убившего тебя в образе дикого быка, связал он тебе связавшего тебя... Как прекрасно видеть, как упоительно смотреть – видеть Гора, когда дает он жизнь отцу своему, когда дает он радость Осирису пред богами западными. Исида обмывает тебя, Нефтида чистит тебя, великие сестры твои очищают плоть твою, соединяют члены твои, дают появиться очам твоим на челе твоём... Пробуждается бог, встает бог... Осирис Неферкара выходит из Геба!»

Примерно до конца Древнего царства египтянин, сумевший испросить у фараона персональную гробницу и обустроивший ее надлежащим образом, мог быть уверен в своем посмертном благополучии. Но тем временем в загробном мире назревали революционные перемены. Еще несколько столетий назад Осирис, ставший царем подземного мира, правил преимущественно богами – смертные в его владения почти не поступали. Но постепенно его царство заселялось людьми. Множились «усадьбы» вельмож; при всей их обособленности между ними существовали определенные связи, и близился момент, когда они могли слиться в «конфедерацию», причем без всякого участия Осириса. Тем временем Ра, в свое время отказавшийся от верховной власти над миром, стал снова усиливать свои позиции, в том числе и на берегах подземного Нила. Его имя все чаще повторяется в именах фараонов, а форма пирамид повторяет форму священного обелиска бога солнца. Сыновья и наследники фараона Хуфу (Хеопс, Четвертая династия) впервые приняли официальный титул «сын Ра». А первые фараоны Пятой династии уже были сыновьями Ра в буквальном смысле слова (по крайней мере, так утверждает папирус «Весткар», правда записанный лет на пятьсот позднее). Фараоны один за другим приводят в загробный мир толпы челядинцев и воинов; их корабли, сопровождавшие ладью Ра, составляли к тому времени могучую армаду, которая ежедневно, беспрепятственно и беспощадно, спускалась из небесного Нила в Нил подземный, угрожая суверенитету царства Осириса. Напряженность усугублялась тем, что Осирис находился с Ра в определенной конфронтации еще с тех пор, когда Ра поддерживал Сета, убийцу Осириса, в его тяжбе с Гором. С тех пор Сет ежедневно пересекал владения убитого им Осириса в составе свиты Ра, в его ладье.

Долгие века Осирис царствовал, но не правил: он не имел ни законодательства, ни действенных механизмов судебной и исполнительной власти. В сложившейся ситуации бог начинает принимать первые меры по укреплению если не реальной власти, то по крайней

мере своего авторитета в ширившихся массах покойных египтян. Начиная примерно с середины Шестой династии в гробницах появляются надписи в честь Осириса. Однако пропагандистская кампания не дала ожидаемых результатов, авторитет владыки загробного мира продолжал падать, и фараоны, собиравшиеся пересечь границу его царства, декларативно оставляли на стенах коридоров и камер пирамид и гробниц надписи, в которых подробно описывали свои будущие бесчинства в потустороннем мире, включавшие в числе прочего убийства богов с последующим каннибализмом и изнасилование богинь.

Первым украсил стены своей гробницы описаниями будущих безобразных сцен в долине подземного Нила последний фараон Пятой династии Унас.

«Унас – тот, кто съедает их (богов. – *О. И.*) магию и проглатывает их духовную мощь. Их Великие – ему на завтрак, их Средние – ему на обед, их Малые – ему на ужин. Их старики и старухи служат ему топливом... Он пожирает их внутренности, так как их чрева переполнены магией Огненного острова (резиденция Осириса. – *О. И.*)».

Неизвестно, ограничивались ли Унас и его последователи декларациями о намерениях или действительно совершали во владениях Осириса все то, что было заявлено на стенах. Во всяком случае, Осирис не имел возможности ни покарать нечестивцев, ни воспрепятствовать их проникновению в свое царство.

Как известно, лучший вид обороны – это наступление. Каков бы ни был ответный удар Осириса, он достиг цели: вскоре трон Египта занимают фараоны, лояльные Осирису и даже пытавшиеся распространить его власть на небесные владения Ра. Преемник Унаса, Тети, провозглашал на стенах своей гробницы: «Тети плывет по небу по направлению к Тростниковым полям, Тети желает отдыхать в Тростниковых полях среди Вечных [звезд], в окружении свиты Осириса». В пирамиде Пепи I впервые появляются намеки на знаменитый впоследствии суд Осириса... Тем временем власть фараонов на земле от царствования к царствованию слабела. Последним владыкой единого Египта эпохи Древнего царства был Пепи II, за свое почти столетнее правление приведший страну к полному развалу. Вскоре после его смерти Египет раскололся на несколько независимых враждовавших друг с другом государств.

Участь царей, покушавшихся на власть Осириса, оказалась плачевной. Во время наступившей смуты Первого Переходного периода их пирамиды (как, впрочем, и гробницы их предшественников и преемников) были разграблены, а мумии уничтожены. Объединившие страну через век с небольшим цари Одиннадцатой династии уже безоговорочно признавали власть Осириса в загробном мире... Сам Осирис для упрочения своей власти еще в конце Древнего царства учредил в своих владениях пограничный контроль, совмещенный с судебной процедурой. Теперь любой переселенец, прежде чем получить вид на жительство, должен был явиться на Огненный остров и пройти взвешивание сердца на специальных весах. (Возможно, первоначально обязанности судьи выполнял бог Ха, но впоследствии Осирис судил новоприбывших сам.) Впрочем, поначалу Осирис не мог обеспечить порядок даже на Огненном острове, где размещался суд. Известен документ, согласно которому некий покойник, «вышедший с Огненного острова недовольным», ищет справедливости у Хентииметиу, одного из древних богов Дуата, который, очевидно, еще не подчинился Осирису. Суть дела состояла в том, что пострадавший подвергся насилию со стороны своего личного врага чуть ли не в зале суда...

С падением на земле Древнего царства в подземном мире устанавливается единоличное правление Осириса, подкрепленное сформированной системой исполнительной власти. Царь сместил Анубиса и самолично взял на себя функции управления умершими, которые к этому времени составляли уже значительную (если не подавляющую) часть населения долины подземного Нила. Впрочем, Анубис продолжает играть при отце определенную роль: он участвует в процедуре суда, ведает погребальным ритуалом, бальзамированием,

охраной каноп – сосудов с внутренностями умершего. Но с двоевластием покончено навсегда. И даже Ра, продолжая оставаться важнейшим богом египетского пантеона, сливаясь с Амоном и Атоном, в подземном царстве вынужден признать главенство Осириса. Умершие фараоны продолжают пополнять свиту солнечного бога, но и они, стремясь к загробному возрождению, прежде всего отождествляют себя с Осирисом. Сам Осирис принял на себя дополнительную роль бога подземных глубин, и теперь вся вселенная оперлась на его плечи, а истоком Нила стал пот, струившийся из рук Осириса.

Забегая вперед, скажем, что к концу Нового царства (в конце второго тысячелетия до н.э.) Осирис окончательно победил Ра и присвоил себе его главный атрибут – солнечный диск. С этого времени его – бога подземного царства и владыку мертвых – стали изображать с сияющим диском на голове, что можно расценить двояко: как окончательную победу загробного мира над миром живых – но и как победу жизни и света над мраком смерти. Но это случится на тысячу лет позже. А пока что в загробном царстве египтян надолго установился определенный порядок, не нарушаемый никакими революционными потрясениями.

Впрочем, назвать систему, установившуюся в подземном царстве, порядком в нашем понимании этого слова, пожалуй, трудно. Здесь, помимо прибывающих сюда на жительство переселенцев, издревле существовало местное население, состоящее из разного рода зверей и демонов, ведущих свою жизнь и не вступающих с администрацией Осириса ни в какие отношения. Поэтому умерший египтянин, даже отмеченный при жизни всяческой праведностью и не без оснований рассчитывавший на счастливую посмертную участь, подвергался на пути к Огненному острову многочисленным опасностям и мог безвинно погибнуть до начала судебной процедуры. Осирис не принимал никаких мер по обеспечению безопасного передвижения на вверенных ему территориях, и, чтобы как-то это компенсировать, египетские жрецы стали создавать многочисленные руководства для новоприбывших.

Уже упоминавшиеся нами «Тексты пирамид» такому назначению не вполне соответствовали. Это были магические заклинания, гимны богам, обращенные к ним просьбы о содействии усопшему и восславление самого усопшего, его земных подвигов и его грядущей посмертной судьбы. Но что должен был делать покойный для того, чтобы этой судьбы достигнуть, или хотя бы просто не быть съеденным «Пожирателем ослов», или не свалиться в «озеро пламени», – об этом «Тексты пирамид» говорили скупно. И хотя «Пожиратель ослов», судя по своему имени, питался преимущественно ослами, считалось, что он представляет для покойного немалую опасность. А ведь в загробном мире обитали еще и некий «Поглотитель миллионов», и убийца Осириса Сет, «живущий падалью», не говоря уж о страшном Апопе, с которым ежедневно сражались, причем не всегда успешно, сам Ра и его дружина. Кроме того, на берегах подземного Нила обитало множество бегемотов, которые были крайне опасны и для людей, и для богов. А в самой реке водились многочисленные крокодилы. . . Некоторые египтяне для защиты в пути брали с собой целые военные отряды – так, номарх Месетхи, живший в конце Первого Переходного периода (при Десятой династии), отправился в Дуат во главе восьмидесяти статуэток-воинов: сорока копейщиков-щитоносцев и сорока лучников. Интересно, что лучники были не египтянами, а нубийцами.

Но солдаты, естественно, не могли помочь найти правильную дорогу или противостоять могущественным демонам. И в годы Среднего царства на стенках саркофагов стали появляться тексты, назначенные служить для покойных чем-то вроде путеводителей, – так называемые «Тексты саркофагов». Самый знаменитый из них – «Книга двух путей» – содержит шестнадцать «глав», в которых не только подробно рассказывается, как можно двумя путями, водным и сухопутным, достигнуть «Чертога Двух Истин», где вершит свой суд Осирис, не только говорится о возможных опасностях, подстерегающих путешественника, но и впервые дается карта-схема маршрута. На ней красной полосой изображено «огненное озеро» с пометкой «не иди к нему». Для души, выбравшей сухопутную дорогу, отмечены плотины

и даются инструкции, как миновать стражей (следует прочесть «изречение прохождения» или выдать себя за бога). Можно использовать и водный маршрут, оба пути сходятся.

Но шли годы, и египтяне, по#видимому, осознали все неудобство карт и инструкций, размещенных на стенках саркофагов. Саркофаг – вещь весьма громоздкая. И даже если допустить, что покойный тащил его на себе (или транспортировал каким#то иным способом) до самого суда, момент, когда на тебя накидывается «Поглотитель ослов», – не самый подходящий для того, чтобы читать надписи, расположенные в том числе внутри саркофага, на его днище и крышке, тем более что саркофагов, как правило, было несколько и они вкладывались один в другой, как матрешки.

Неудобства практического пользования «Текстами саркофагов» привели к тому, что инструкции в конце концов стали выпускать в бумажном, точнее, папирусном виде. Это помимо всего прочего позволило увеличить и объем предлагаемой информации. Так возникла египетская «Книга мертвых» – последняя форма руководства для покойных на их пути к загробному судилищу, снабженная многочисленными картами, схемами и рисунками. Впрочем, словом «книга» эти тексты стали называть уже современные ученые. А в те времена, когда покойный египтянин пробирался по опасным дорогам царства мертвых, сжимая в руке заветный папирус, никакой книги, никакого утвержденного канона не было. Каждый жрец сам писал для покойников инструкции, опираясь на свое мнение и на сложившуюся традицию. Тот, кто мог хорошо оплатить услуги по составлению путеводителя, получал более подробный и хорошо иллюстрированный текст с полным картографическим описанием долины подземного Нила. Кто#то ограничивался краткими инструкциями. Свиток папируса вкладывали в саркофаг, и покойный мог без труда пользоваться им по ходу дела.

Сегодня основной свод «Книги мертвых» содержит и описание похоронной процессии, и гимны богам, и тексты, предназначенные для чтения во время заупокойных служб. Но главной целью книги было проинструктировать умершего на его первых шагах в загробном мире: рассказать, как договориться со стражами, охраняющими врата Дуата, как избежать чудовищ, живущих на берегах «огненного озера», как войти в пристанище «ариту», где можно отдохнуть и набраться сил... Прикладывался и текст приветствия, которое следовало произнести, переступив порог судилища, и шпаргалки ответов, которые должен был давать покойный на вопросы судей.

«Слава тебе, великий бог, Владыка Двух Истин! Я пришел к тебе, о господин мой! Меня привели, дабы я мог узреть твое совершенство. Я знаю тебя, знаю имя твое, знаю имена сорока двух богов, которые находятся с тобой в Чертоге Двух Истин, которые живут как стражи грешников, которые пьют кровь в этот день испытания...» – так должен был обратиться покойный к председателю суда. Потом перед лицом суда – «Великой Эннеады» – ему должно было произнести «Исповедь отрицания»:

Я не совершал несправедливости против людей.
Я не притеснял ближних. <...>
Я не грабил бедных.
Я не делал того, что не угодно богам.
Я не подстрекал слугу против его хозяина.
Я не отравлял...

Затем подсудимый представал перед «Малой Эннеадой» и вновь перечислял все преступления, которых он не совершал, при этом к каждому из сорока двух членов суда следовало обратиться по имени. Тут поневоле требовалась шпаргалка, особенно если учесть, что покойный видел их впервые. Тем временем сердце подсудимого лежало на «Весах Истины», другая чаша которых уравнивалась пером богини Маат. Сердцу и перу надлежало пре-

бывать в равновесии, причем весы одновременно исполняли роль детектора лжи и стрелка их отклонялась, стоило подсудимому солгать.

Судебный процесс мог длиться очень долго, в одном из текстов «Книги мертвых» есть упоминание о многих месяцах, в течение которых продолжались испытания. Если покойный был признан достойным загробного существования, он объявлялся «правогласным» – «маа херу». Присвоение этого титула не только позволяло ему в полном здравии пребывать в царстве мертвых, но давало немалые привилегии. Теперь по его зову любой из богов обязан был прийти ему на помощь, любые двери Дуата распахивались по его приказу, а богини, ответственные за пропитание умерших, должны были снабжать его небесной пищей.

Ну а в случае обвинительного приговора грешника отдавали на съедение богине Амт – «Пожирательнице» с телом гиппопотама, лапами и гривой льва и пастью крокодила. Интересно отметить, что никаких изысканных наказаний для грешников (или для тех, кто не сумел правильно произнести нужные формулы и грамотно ответить на вопросы) суд Осириса очень долгое время не предусматривал: их попросту съедали. Лишь во времена Нового царства на берегах подземного Нила появилась какая-никакая пенитенциарная система: грешников лишают тепла, света и возможности общаться с богами. В «Книге Пещер» описывается, как виновных варят в котлах (туда кидают их головы, сердца, души и тени). А в «Книге Врат» бог Гор объявляет приговоренным: «Вы связаны сзади, злодеи, чтобы быть обезглавленными и перестать существовать».

Еще одним изменением законодательства, введенным ко времени Нового царства, было изменение статуса фараонов: теперь они представляли перед судом Осириса так же, как простые смертные. Более того, процессы демократизации в загробном мире привели к тому, что право обрести вечную жизнь появилось даже у самого последнего бедняка, лишь бы он мог заказать простой гроб, на стенках которого написаны имена богов, а на крышке – обращение к Осирису: «О Уннефер, дай этому человеку в твоём Царстве тысячу хлебов, тысячу быков, тысячу сосудов пива». А если денег не было и на это, то изготавливали маленький гробик, в который вкладывали деревянную фигурку умершего и закапывали поблизости от богатого погребения.

Несмотря на все преимущества и радости загробной жизни, в долине подземного Нила, как и в долине Нила земного, любого из подданных могли в любой момент оторвать от его личных дел и привлечь к общественным работам. В правомочности такой системы египтяне настолько не сомневались, что даже на Полях Иалу не рискнули ее ликвидировать. Но обходить ее они научились, и уклонение от трудовых повинностей во времена Нового царства приняло массовый характер. Для этого использовалась специальная разновидность слуг – так называемые «ушебти». Собственно, слуг – иногда в виде статуэток, но чаще всего нарисованных на стенах гробницы – египтяне захватывали в загробный мир и раньше. Есть основания думать, что обычно это были реально существовавшие люди. Причем тот факт, что они еще живы, нисколько не мешал им выполнять свои обязанности в загробном мире, если хозяин умирал первым; самим же слугам было гарантировано посмертное существование. Но с середины второго тысячелетия до н.э. загробный мир заполняется буквально толпами маленьких фигурок ушебти, назначенных не столько обслуживать своего хозяина, сколько заменять его, если он будет призван богами на общественные работы. Они должны были откликаться на имя покойного словами «Я здесь». В «Книге мертвых» приводится наставление для ушебти:

«О этот ушебти! Если Осирис- (имярек) будет призван выполнять любую работу, какую выполняют там, в Херет-Нечер, и будут тяготы ему там, как человеку, несущему свои обязанности, ты должен взять на себя все эти работы, которые делаются там: возделывать поля, обу- страивать берега, перевозить через реку песок с запада на восток. “Я сделаю это. Я здесь!” – скажешь ты».

Впрочем, судьба ушебти в загробном мире была не слишком тягостной. Они были дешевы, покойные египтяне десятками, а то и сотнями укладывали их в свои гробницы, возможно, чтобы распределить по дням года; известна, в частности, фигурка ушебти с надписью «1#й день 3#го месяца зимы». В остальные 364 дня года ушебти мог отдыхать и наслаждаться всеми (или по крайней мере многими) радостями Полей Иалу.

Все вышесказанное наводит на мысль, что к концу Среднего царства и тем более в эпоху Нового царства в Дуате произошел мощнейший демографический взрыв. Сюда толпами ринулись бедняки, которым раньше загробная жизнь не полагалась. Кроме того, Дуат был наводнен тысячами, если не миллионами ушебти. Ситуация осложнялась тем, что каждый покойник (к ушебти это, по#видимому, не относилось) приводил в загробный мир сразу несколько своих сущностей, ведущих достаточно самостоятельную жизнь. Сколько именно их приходилось на одного человека, сегодня сказать трудно: египтологи называют цифры до шести и даже до восьми. И о сути каждой из них информация тоже имеется самая противоречивая.

Во-первых, у египтянина было имя – «рен», и оно являло собой вполне полноценную и почти самостоятельную сущность, наподобие души (некоторые египтологи называют его одной из душ). Достаточно было стесать высеченное на статуе имя и надписать новое, как статуя начинала являть собой уже другого человека. Достаточно было в тексте, воспевающем свершения прежнего фараона, заменить его имя на другое, как все его деяния переходили к новому владельцу: это было не обманом читателя, а сакральным актом. Мы уже писали о том, что именно «рен», надписанный возле изображения в гробнице, давал возможность его носителю попасть в царство мертвых.

Кроме того, у человека имелась тень – «шуит». Какое отношение она имела к человеку, кроме того, что он ее отбрасывал в солнечную погоду, сегодня сказать невозможно. Тем не менее эта тень шла, в числе прочих душ, в загробный мир. Известно, что тени грешников, осужденных судом Осириса, варились в котлах вместе с прочими их органами.

О том, что такое душа «ах», почти ничего не известно; возможно, она возникала лишь после смерти, после проведения жрецами соответствующего ритуала.

Главные компоненты комплекса душ египтянина – «ба» и «ка» – чаще всего упоминаются в древних текстах, посвященных загробной жизни. Причем «ба» при жизни настолько тесно был связан с телом, что говорить о «ба» живого человека бессмысленно. Покинув тело после смерти, он возвращается в мумию и, хотя может ее покидать (например, известны изображения «ба», сидящего на дереве или пьющего из садового пруда), обитает в основном в гробнице и никогда не оставляет надолго мумию или на худой конец статую. Но при этом есть данные о том, что именно «ба» может подниматься в небеса и там наслаждаться вечным и безбедным существованием. Из всех душ наиболее независим «ка», «двойник», который тем не менее больше всех прочих связан с самим египтянином, с его личностью. Родившись вместе с человеком, он идет с ним по жизни, но может существовать и отдельно – особенно если хозяин позаботится заранее сделать свою заупокойную статую.

Назначение статуи – служить вместилищем «ка» после смерти владельца. Но иногда предусмотрительные египтяне заранее заботились о том, чтобы жрецы провели со статуей необходимый для ее загробного существования обряд «отверзания уст и очей». После этого «ка» вселялся в статую и начинал еще при жизни «хозяина» исправно исполнять свои грядущие, загробные обязанности. И часто будущий покойник сам осуществлял свой «посмертный» культ, навещая уже готовую гробницу и улагодворяя поселившегося в его статуе «ка». Например, номарх Джехutihотеп, живший при Двенадцатой династии (начало II тысячелетия до н.э.), соорудил изваяние в 13 локтей (примерно 6,5 метра), лично проследил за его установкой при гробнице и сам отправлял обряды культа собственного «ка». После смерти улагодворение продолжали наследники покойного; Впрочем, часто покойный еще

при жизни выделял средства на поддержание культа своего «ка». По-видимому, именно «ка» в большей степени, чем другие души, пребывал в Дуате – хотя при этом и не терял связи с гробницей. Именно его снабжали пищей, питьем, благовониями и прочими «телесными» радостями родственники покойного.

О том, что такое «ка», египтологи ведут долгие и бесплодные споры. Как и о том, что же такое «ба» и какая между ними разница. И зачастую они, говоря об умершем, не вдаются в подробности, о которой из его душ идет речь, а пишут «покойный имярек». Точно так же нередко поступали и сами египтяне, составляя для усопшего путеводитель по загробному миру. Авторы данной книги предлагают последовать этому мудрому примеру, потому что если сами египтяне и могли разобраться в различиях между своими многочисленными душами (что не факт, поскольку египетские тексты, особенно поздние, на этот счет весьма противоречивы), то современному европейцу это абсолютно не под силу.

Но кроме сложного комплекса душ египтянин обладал еще и телом, которое, в отличие от тел представителей многих других наций и конфессий, тоже отправлялось в загробный мир, причем не в далеком будущем, не после конца света или Страшного суда, а сразу после мумификации и похорон. В «Книге Амдуат» («О том, что в Дуате»), написанной в эпоху Нового царства (но восходящей к Среднему), рассказывается о том, как бог Ра плывет по подземному Нилу в своей ладье и посылает мумиям животворящий свет, а умершие (вполне телесно) выходят из своих гробниц, приветствуя солнце. При этом они поют:

Слава тебе, Ра! <...>
Поклоняются тебе обитатели Дуата.
Восхваляют они тебя, грядущего в мире <...>
Ликут сердца подземных,
Когда ты приносишь свет обитающим на Западе.
Их очи открываются, ибо они видят тебя.
Полны радости их сердца,
Когда они смотрят на тебя,
Ибо ты слышишь молитвы лежащих в гробах,
Ты уничтожаешь их печали
И отгоняешь зло от них прочь.
Все спящие поклоняются твоей красоте,
Когда твой свет озаряет их лица.
Проходишь ты, и вновь покрывает их тьма,
И каждый вновь ложится в свой гроб.

Тело обитало в загробном мире наряду с душами. Но при этом от его сохранности зависела посмертная судьба всех душ покойного. Известно, что грабители, промышлявшие в гробницах, старались уничтожить (например, сжечь) ограбленную мумию и саркофаг, имевший форму тела, – иначе им грозила месть со стороны умершего. Сохранился протокол допроса некоего Амонпанефера – главаря шайки, промышлявшей во времена Девятнадцатой династии (вторая половина второго тысячелетия до н.э.).

«Четыре года назад, в тринадцатом году царствования фараона – да живет он, да здравствует и да благоденствует! – я по своему обыкновению отправился грабить могилы вместе с моими сообщниками. Это: каменотес Хапиур, земледелец Амонемхеб, плотник Сетинахт, плотник начальника охотников Иеренамон, камнерез Хапио и водонос Каэмуас – всего семь человек. Мы проломали гробницы на Западе и вынесли гробы. Мы сорвали золото и серебро с гробов и поделили его между собой. Затем мы проникли в гробницу Чанефера, третьего жреца Амона. Мы открыли ее, и вынесли наружу гробы, и вытащили мумию, и положили

ее в один из углов усыпальницы. Гробы и мумию мы перевезли на остров и под покровом ночи сожгли...».

Грабители опасались мести покойных значительно больше, чем преследования со стороны земных правоохранительных органов. Они не побоялись путешествовать с прямыми и тяжеловесными уликами только для того, чтобы уничтожить «потерпевших». И это несмотря на то, что в случае задержания им грозили пытки, смертная казнь и уничтожение тела.

Уничтожение тела – самое страшное, что могло случиться с египтянином, особенно если это сопровождалось уничтожением его изображений. Это давало фараонам возможность преследовать своих врагов после их смерти, и крамольный сановник, даже умерев и благополучно пройдя через суд Осириса, не мог чувствовать себя в полной безопасности.

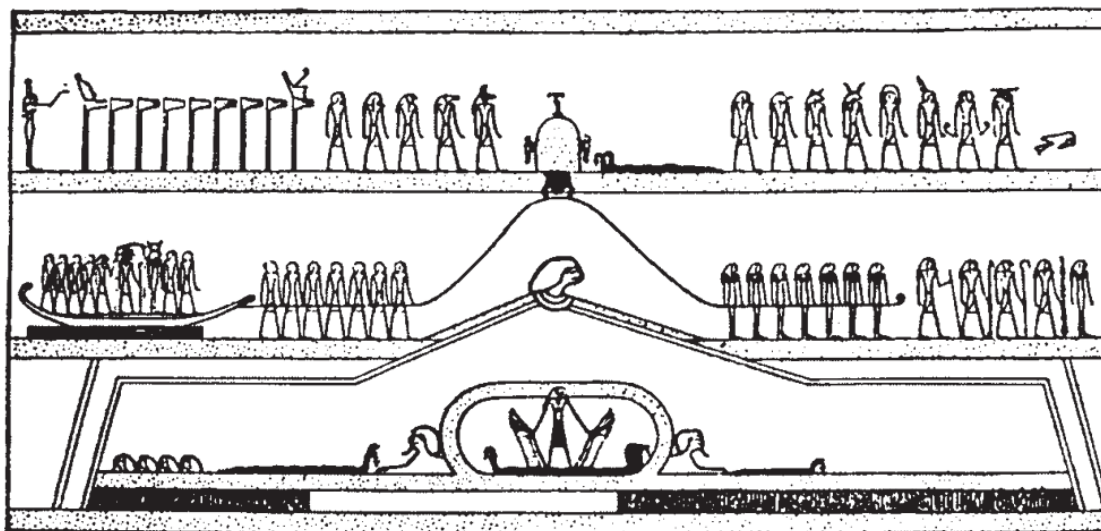
Топография загробного мира египтян весьма сложна и неоднозначна. Мы уже говорили, что не только под землей, но и на небе существовали загробные обитатели, причем тело и разные души одного и того же египтянина могли находиться в разных местах. Ситуация крайне осложнялась тем, что сами гробницы, располагаясь на земле, одновременно являлись частью территории загробного мира. Кроме того, каждая гробница, где бы она ни находилась, имела отдельный выход непосредственно в долину подземного Нила. Для этого на стенах гробниц рисовались двери, их старались ориентировать в сторону запада. Через эти двери души выходили в Дуат и возвращались обратно в гробницу. Душа – будь то «ка», «ба» или любая другая – может как сущность нематериальная пройти через нарисованную дверь, это сомнений не вызывает. Но известно, что в Дуат, навстречу ладье Ра, выходили прежде всего мумии во плоти, – как они умудрялись это проделывать через нарисованные двери, не вполне ясно. Кроме того, своего рода «дверью» являлось и изображение человека на стене гробницы. Именно через свои изображения туда попадали слуги или жрецы, предназначенные для различных работ в загробном царстве, порой – еще при жизни.

В одной из гробниц в Саккаре сохранилось изображение «заупокойного жреца», который должен был осуществлять культ хозяина гробницы. Известный египтолог А. О. Болшаков трактует это изображение как «дверь», о которой идет речь в находящемся тут же тексте, и считает, что через это изображение живой жрец, получивший обозначенную в той же надписи плату за свои услуги, навещал царство мертвых для выполнения там своих обязанностей. Через свои изображения на стенах гробницы покойного могли посещать и его родственники, сначала при жизни (видимо, это, минуя тело, делала какая-то из их душ), а потом и после смерти, когда они обретали собственные гробницы. Вероятно, такой способ сообщения был предпочтительнее, чем долгий путь друг к другу через Поля Иалу. Кроме того, покойный мог иметь переписку с живыми родственниками – по крайней мере, получать их письма. Письма, адресованные умершим, сохранились. Случалось, что живые были недовольны загробным поведением покойного, возлагали на него ответственность за свои земные неприятности и грозились пожаловаться на него богам загробного мира.

Кроме гробниц имелись и другие проходы в загробный мир, в частности в скалах на западном берегу Нила, в районе Абидоса. И конечно же, существовали «парадные» вход и выход, через которые попадал в долину подземного Нила сам бог Ра. Вход для него открывался на западе, там существовали тщательно охраняемые врата. А на востоке флотилия бога покидала подземный мир, проплывая сквозь тело гигантского змея и выходя из его пасти прямо на небо.

Подземный Нил протекает, в отличие от Нила надземного, в широтном направлении, с запада на восток; он пересекает двенадцать долин, разделенных вратами. В «Книге Амдуат» приведена протяженность трех первых долин: 120, 309 и 309 итеру, что равно 180, 463,5 и 463,5 км соответственно. Таким образом, суммарная протяженность первых трех долин примерно равна 1107 км, и можно условно принять порядок длины всего подземного Нила около четырех – пяти тысяч километров. Это примерно соответствует ширине Африки от

юга Атласских гор до Красного моря или Синайского полуострова. Что касается ширины самих долин, то она известна для двух из них – второй и третьей – и равна в обоих случаях 120 итер, или 180 км. Интересно отметить, что это во много раз больше ширины долины наземного Нила, которая составляет в среднем от пяти до десяти километров.



Пятая долина подземного Нила. «Книга Амдуат». XVI в. до н. э.

Известно, что три Нила – наземный, небесный и подземный – образуют единую гидрологическую систему. Наземный Нил впадает в море, а начало свое берет в Дуате, очевидно являясь продолжением Нила подземного. А тот, в свою очередь, питается водами Нила небесного, протекающего через все небо с востока на запад. Об истоках небесного Нила однозначной информации нет, можно предположить, что он протекает через обители богов на востоке неба. Место перехода небесного Нила в подземный несудоходно, поскольку известно, что Ра, закончив свой дневной путь, пересаживается с дневной ладьи на ночную в районе гор (предположительно Атласских) на западе Африки.

Знаменитый Огненный остров, где в Чертоге Двух Истин вершилось правосудие Осириса, находился у пятых врат подземного Нила, видимо, на границе четвертой и пятой долин. В связи с этим можно назвать и еще одно основное членение подземного мира: кишашее чудовищами пространство, которое покойный должен был преодолеть по дороге к Огненному острову, и собственно Поля Иалу, хотя их взаимное расположение неизвестно.

Поля Иалу были территориями, тщательно возделанными. Росписи на стенах гробниц знакомят нас с проводимыми здесь земледельческими работами и сбором урожая. Именно здесь, по видимому, покойные или их слуги (а позднее – ушебти) должны были, как сказано в уже упомянутом обращении к ушебти, «возделывать поля, обустройства берега, перевозить через реку песок...». В «Книге мертвых» говорится: «Я знаю Поля Иалу, принадлежащие Ра. Стены их из металла. Высота ячменя там 5 локтей: колосья его в два локтя, а стебель – в три. Их пшеница в 7 локтей: колосья ее в три локтя, а стебель – в четыре».

Кому достались эти плодородные, оснащенные прекрасной ирригационной системой земли после того, как в Египте в первых веках нашей эры воцарилось христианство, сказать трудно. Возможно, какие-то души древних египтян пребывают там и поныне. По крайней мере, христиане их заселять не стали. Они, как это ни странно, прельстились той частью Дуата, где обитали чудовища и где в эпоху Нового царства стали истязать грешников. Христианская коптская церковь назвала свой ад «Аменти» (буквально – «Запад», древнейшее

название египетского царства мертвых), причем населяющие его чудовища во многом схожи с теми, которые обитали на берегах подземного Нила еще во времена правления Осириса.

Судьба самого Осириса неизвестна. Но поскольку его давний соперник, Ра, несмотря на смену земных религий, как и тысячи лет назад, мирно путешествует по небесному (а значит, и подземному) Нилу, есть основания думать, что Осирис со своей свитой столь же мирно пребывает в Полях Иалу. Но судить ему теперь некого: переселение в Дуат прекратилось, число жителей стабилизировалось (и даже уменьшилось за счет разрушения гробниц и мумий), и Осирис может наконец полностью отдалиться другому главному делу своей жизни: ежегодному обновлению растительного мира.

Курнуги – «Страна без возврата» (Древняя Месопотамия)



Судьба первых жителей Шумера и Аккада была во многом схожа с судьбой первых иудеев и христиан. Как и Адам, первые шумеры и аккадцы были слеплены из глины. Они тоже пострадали во время Всемирного потопа, а мудрый Зиусудра, подобно Ное, был предупрежден свыше, построил ковчег и спасся. Шумерам и аккадцам тоже был известен земной рай, который, по их сведениям, располагался в стране Дильмун – на территории нынешнего островного государства Бахрейн. Но, в отличие от Адама и Евы, первых жителей Месопотамии в рай не впускали – блаженный остров Дильмун (или Тильмун) предназначался исключительно для богов. И хотя здесь не водились ни змеи, ни скорпионы, ни волки, ни дикие собаки, зато и пресной воды тоже не было. Воду в шумерский рай уже в те далекие времена приходилось доставлять с материка, этим занимался бог солнца Уту. Интересно, что сегодня питьевую воду на острова Бахрейна тоже в основном доставляют с «большой земли» и она дороже бензина.

Дильмун не был единственным жилищем шумерских богов – это было нечто вроде Эдемского сада, где богиня-мать Нинхурсаг выращивала чудесные растения с помощью искусственного орошения. Впрочем, два человека все же удостоились обрести в этом саду вечную жизнь. Счастливыми стали строитель ковчега Зиусудра (шумер Гильгамеш в намного более позднем, уже аккадском тексте зовет его Утнапишти) и его супруга.

Зиусудра, царь,
Простерся пред Аном и Энлилем.
Ан и Энлиль обласкали Зиусудру,
Дали ему жизнь, подобно богу,
Вечное дыхание, подобно богу, принесли для него свыше.
Потом Зиусудру, царя,
Спасителя имени всех растений и семени рода человеческого,
В страну перехода, в страну Дильмун, где восходит солнце, они
поместили.

Остальные жители Междуречья, окончив земные труды, отправлялись независимо от своих заслуг в преисподнюю. Впрочем, поначалу она тоже была предназначена исключительно для богов и возникла задолго до сотворения первых людей. Позднее в нее стали переселяться древние шумеры; примерно в середине третьего тысячелетия Шумер был покорен соседним Аккадом, после чего завоеватели не только переняли культуру побежденных, но и начали осваивать их загробный мир.

У шумеро-аккадской преисподней было множество имен: Кур, Кигаль (Великая Земля), Эден, Иригаль, Арали... или же Курнуги – «Страна без возврата».

Одним из первых переселенцев в «Страну без возврата» едва не стал весьма значимый бог – «владыка-ветер» Энлиль. Попал он туда, в отличие от самих шумеров, за грехи, и даже высокое положение в пантеоне его не спасло. Людей в те времена на земле еще не было, но боги жили примерно так же, как и люди. Энлиль собрался жениться, и его избранницей стала прекрасная Нинлиль. Мать девушки одобрила предстоящий брак, но сама Нинлиль жениха отвергла. Тогда Энлиль силой овладел несговорчивой невестой. За такое безобразие он был осужден богами:

Энлиль прогуливается в Киуре,
Когда Энлиль прогуливается в Киуре,
Великие боги, их пятьдесят,
Боги судеб, семеро их,
Хватают Энлиля в Киуре, (говоря):
«Энлиль, грешник, из города изыди...»

Любострастного Энлиля не только изгнали из собственного города, но и отправили в преисподнюю на бессрочное поселение. Возможно, там бы он и остался, но на его счастье Нинлиль, которая к этому времени поняла, что беременна, не захотела рожать ребенка без отца и отправилась под землю вслед за мужем. Ее сыну предстояло стать богом луны, и Энлиль, озабоченный не только собственным изгнанием, но и тем, что небесному светилу предстоит сиять под землей, придумал хитрый план освобождения. По дороге к месту заключения божественная пара встретила трех низших богов: «стража ворот», «человека подземной реки» и «перевозчика», исполнявшего те же обязанности, что и Харон в Аиде. Энлиль по очереди принимал облик каждого из этих богов и каждый раз начинал со своей супругой очередного ребенка. Дети эти стали тремя богами подземного царства и оказались выкупом, который, согласно законодательству шумерского загробного мира, должен внести за себя желающий его покинуть. Обеспечив «Страну без возврата» соответствующим количеством служителей, Энлиль добился возвращения своего первенца, жены и себя самого на небо.

Еще одна величайшая шумерская богиня, Инанна (у аккадцев она получила имя Иштар), тоже чуть не осталась в загробном мире против своей воли. Ей, как и Энлилю, пришлось отослать в преисподнюю своего заместителя – это было обязательным условием выхода из «Страны без возврата». Впрочем, сначала Инанна отправилась в Кигаль по своей воле: у нее были там какие-то ритуальные дела, связанные с переходом в подземный мир ее зятя, мужа сестры. Сестра Инанны, Эрешкигаль, была правительницей преисподней, именно ее мужа и собиралась почтить преисполненная родственных чувств Инанна. Однако Инанна отнюдь не была уверена, что сестра разделяет ее родственный пыл, и опасалась, что Эрешкигаль может предать ее смерти. Опасения богини оказались не напрасны: у входа в «Страну без возврата» ее встретил привратник Нети, который провел ее через семь ворот, каждый раз насильственно снимая с несчастной гостьи часть ее одежд и украшений. Пройдя седьмые ворота, незадачливая богиня оказывается абсолютно голой, что, кроме морального унижения, имело еще и магические последствия: ее божественная сила ушла вместе

с одеждой. После чего Эрешкигаль направляет на сестру «взгляд смерти» и убивает ее (одного схождения в преисподнюю для смерти, видимо, было недостаточно). Труп несчастной богини вешают на крюк, вбитый в стену. Там бы она и пребывала по сей день, но на земле визирь богини, выждав трое суток и не дождавшись возвращения своей госпожи, бросился за помощью к верховным богам шумерского пантеона. Энлиль и его сын, лунный бог Нанна, безучастно отнеслись к смерти своей коллеги, но бог мудрости Энки сжалился над умершей. По-видимому, Энки, полностью отдавшись духовным подвигам, пренебрегал гигиеной, и это спасло несчастную Инанну. Энки почистил ногти, под которыми скопилось изрядное количество грязи, слепил из этой грязи двух магических уродцев, снабдил их «водой жизни» и «травой жизни» и отправил на выручку потерпевшей.

Труп богини сняли с крюка и оживили, но для того, чтобы выйти из «Страны без возврата», Инанна должна была прислать вместо себя заместителя. В сопровождении демонов, которые следили за исполнением закона, богиня отправляется на землю и застаёт своего мужа, бога-пастуха Думузи, сидящего в парадных одеждах на высоком троне. Инанна, которая, по-видимому, считала, что муж льет слезы и носит по ней траур, сразу решила вопрос о том, кто же будет ее заместителем. Перепуганный Думузи долго прятался, но в конце концов был настигнут галлу – демонами преисподней, которые

Не едят пищи, не знают питья,
Муки, что посыпана, не вкушают,
Не пьют возлиянной воды...
...Супруг не обнимают с лаской,
Детей любезных не целуют...

Но самым печальным для Думузи было то, что они «не принимают даров приятных», то есть взятки ни в какой форме не берут... Неподкупные галлу разорвали бедного Думузи на части, и он отправился напрямик в преисподнюю, являя собой назидательный пример для недостаточно почтительных мужей. Впрочем, будучи плохим мужем, Думузи был, по-видимому, хорошим братом – его сестра Гештинанна, в свою очередь, согласилась стать его заместительницей в царстве мертвых. В конце концов Инанна наполовину простила грешного мужа и согласилась, чтобы Думузи и его сестра по очереди проводили под землей по полгода, а остальное время пребывали на земле.

Коварную Эрешкигаль, которая столь злокозненно обошлась с собственной сестрой, можно если не оправдать, то понять: Инанна являлась в числе прочего богиней плодородия и любви, у нее было немало любовников и муж Думузи. Что касается самой Эрешкигаль, то ее личная жизнь не сложилась: правда, она родила сына от связи с Энлилем, но у Энлиля была и осталась любимая жена, помощница и советчица Нинлиль, и отношения с подземной богиней никогда не стояли для «владыки-ветра» на первом месте. Кроме того, бедная Эрешкигаль не имела права покидать преисподнюю даже ненадолго. И если, например, греческая богиня загробного царства Персефона две трети года могла проводить на земле и на Олимпе, то Эрешкигаль обречена была на вечное сидение под землей. Правда, замуж она в конце концов вышла, но историю ее сватовства трудно назвать любовной.

Все началось с того, что шумерские боги устроили пышный пир. Отправили приглашение и для Эрешкигаль, но поскольку заранее было известно, что она не сможет его принять, богине предложили прислать вместо себя полномочного представителя. Выбор подземной царицы пал на собственного сына Намтара, демона злой судьбы и смерти. Когда Намтар прибыл на небеса, боги оказали ему торжественный прием, чествуя в лице посланника саму великую богиню. Один лишь бог Нергал не захотел встать при входе Намтара, оскорбив тем самым владычицу шумерского загробного мира.

Возмущенная Эрешкигаль потребовала выдачи и казни нечестивца. О том, что было дальше, разные мифографы повествуют по-разному. Говорят, что Нергал, захвативший с собой в подземное царство мощное подкрепление, за волосы стащил царицу с трона и хотел отсечь ей голову. Лишь мольбы Эрешкигаль и обещание разделить с ним ложе и трон смягчили грозного бога. Существует мнение, что Нергал, проведя с царицей семь ночей, не прельстился загробными ласками и бежал обратно на землю. Влюбленная (а быть может, лишь оскорбленная) Эрешкигаль объявила, что в отместку выпустит на землю всех жителей загробного мира. Испуганные боги потребовали от Нергала исполнить волю богини. Так или иначе, в конце концов Нергал смирился со своей новой долей и стал бессменным мужем Эрешкигаль и царем загробного мира, потеснив супругу на ее троне. Неизвестно, много ли радости принес царице этот вынужденный брак с богом, который до своего нового назначения ведал войной, чумой, лихорадкой и палящими солнечными лучами (но не солнечным светом!). Впрочем, в ее положении выбирать не приходилось. Мы достаточно точно можем сказать, когда именно Эрешкигаль вышла замуж и загробное царство шумеров получило нового владыку. Известно, что Инанна спустилась в преисподнюю вскоре после замужества сестры и переселения Нергала под землю. Это событие, вернее, его последствия положили конец царствованию на земле бога-пастуха Думузи. Нам известно время правления преемника Думузи, царя Гильгамеша: он был исторической личностью, жрецом и военным вождем города Урука и жил около 2700 года до н.э. Значит, загробный брак Эрешкигаль и изменения во властной структуре шумерской преисподней относятся к началу третьего тысячелетия до новой эры.

Таковы были вкратце взаимоотношения шумерских богов с загробным миром и его правителями. Но задолго до того, как злосчастная Эрешкигаль вступила в брак, а ее сестра чуть не лишилась жизни, совершая ритуалы в честь новоявленного зятя, – задолго до этих событий шумерская преисподняя стала понемногу заполняться людьми.

Люди были сотворены богами Энки и Нинмах из глины. Произошло это достаточно давно. «Царский список», составленный в третьем тысячелетии на основании более древних документов, перечисляет имена и годы правления всех шумерских царей, правивших после Потопа. Древние цари были в основном долгожителями, первые двадцать три царя Первой династии Киша правили, согласно «Списку», в общей сложности 24 510 лет. После перенесения столицы из Киша в Урук время правления одного царя сократилось в среднем до двухсот лет, что, впрочем, тоже немало. Хронология «списка» простирается примерно на тридцать тысяч лет назад, до самого Потопа. Какое-то время надо отвести и на жизнь «допотопных» людей. Таким образом, заселение шумерской преисподней людьми началось более тридцати тысяч лет тому назад. Археологические находки не подтверждают, но и не опровергают эту информацию – согласно данным раскопок, шумеры появились в Междуречье Тигра и Евфрата в четвертом тысячелетии до новой эры, но откуда они пришли, до сих пор неизвестно. Очень может быть, на своей прародине шумеры или их предки тоже проводили своих покойников в «Страну без возврата», управляемую коварной и тогда еще незамужней Эрешкигаль (правда, в этом случае царская династия, вопреки своему названию, большую часть своего правления не имела отношения к месопотамскому городу Киш). Так или иначе, оговоренное в «Списке» начало правления кишских царей соответствует началу верхнего палеолита, заселению Евразии человеком нового облика – *Homo sapiens sapiens* – и началу второй (после неандертальцев) волны перехода людей в загробный мир.

Сохранилась и другая, спорная, но соблазнительная для трактовки информация, по которой создание шумерской цивилизации (а значит, и заселение шумерами преисподней) произошло почти полмиллиона лет тому назад. Об этом пишет живший в конце четвертого – начале третьего веков до нашей эры вавилонский ученый, жрец бога Мардука, Берос. Он сообщает, что еще до Потопа шумерами правили десять царей-долгожителей, общий

срок деятельности которых исчисляется в 432 тысячи лет. Если принять сообщение ученого жреца за истину, то первые шумеры относились к какой-то из разновидностей *Homo erectus* – человека прямоходящего. Не исключено, что их можно классифицировать как гейдельбергских людей – предшественников неандертальцев. Как мы уже говорили, неандертальцы заботливо провожали своих покойников в загробный мир. Известно даже одно захоронение гейдельбергских людей, хотя оно относится к несколько более позднему времени (около 300 тысяч лет назад) и является единственным и спорным.

Но кем бы ни были первые шумеры, вылепленные из глины (или, по одной из версий, выросшие из-под земли, как трава), с территории Междуречья этот народ стал поступать в «Страну без возврата» с конца четвертого тысячелетия до нашей эры. Археолог Леонард Вулли при раскопках города Ур обнаружил кладбище, на котором шумеры хоронили своих покойников на протяжении почти всего третьего тысячелетия. Вулли исследовал около тысячи четырехсот могил. Шумеры попроще брали с собой в царство Эрешкигаль орудия труда, оружие, посуду с едой и питьем, ларцы, браслеты, ожерелья... В сжатых руках лежащие на боку люди обязательно держали у самого рта кубки. Видимо, содержащийся там напиток помогал преодолеть трудности загробного пути. Для преодоления водных преград во многие могилы были положены модели лодок. Интересно, что грабители, обчистившие могилу царя Абарги, не тронули две лежавшие на самом виду серебряные лодки: вероятно, они побоялись, что эти лодки могут их самих привезти во владения Эрешкигаль раньше положенного богами срока.

Царица Шубад отправилась в последний путь на деревянных погребальных носилках с золотым кубком в руках. Она вступила в царство мертвых, наряженная в драгоценный головной убор из золота. Ее голову обвивала восьмиметровая золотая лента, три венка – из золотых колец и листьев и стеклянных цветов – были перевязаны нитями сердоликовых и лазуритовых бус. Парик закреплялся золотым гребнем. Царица взяла с собой цилиндрическую печать из лазурита, на которой было выгравировано ее имя. Печать – это предмет, который старались прихватить с собой в загробный мир очень многие шумеры: видимо, она была необходима в работе бюрократического аппарата Эрешкигаль. Впрочем, возможно, Шубад намеревалась иметь собственную канцелярию. Она взяла с собой трон, украшенный львиными головами из листового серебра. Жизнь царицы в загробном мире должны были украшать многочисленные вазы из золота, серебра и алебаstra, чаши, масляные лампы, серебряные жертвенные столики... Туалетные принадлежности и золотые шкатулки с косметикой указывают на то, что в «Стране без возврата» Шубад собиралась существовать отнюдь не в виде бесплотной тени. Взятые ею доска и камни для настольной игры, возможно напоминающей шашки, наводят на мысль о популярности интеллектуальных игр в шумерском загробном мире.

Ездить по царству Эрешкигаль было, вероятно, принято на ослах и на волах. В начале третьего тысячелетия там произошла небольшая транспортная революция: волокуши на полозьях начали сменяться колесными телегами. По крайней мере, нарядная повозка Шубад, украшенная мозаикой и золотыми барельефами львов, стояла на полозьях. А похороненный прямо под ее склепом царь Абарги (возможно, ее муж) хотя и умер несколько раньше, но, будучи сторонником прогресса, предпочел ездить по загробному миру в двух четырехколесных повозках – новейшем слове техники.

Естественно, что Шубад не собиралась лично управлять запряженными в волокушу ослами, как и Абарги не сам ухаживал за волами, влекущими его телеги. В царстве Эрешкигаль сохранялось имущественное и классовое неравенство, и рядом с повозкой царицы были уложены два мертвых конюха; столько же возниц должно было служить и ее супругу. Всего же Шубад взяла с собой свиту из двадцати пяти человек. За царем Абарги последовали шестьдесят мужчин и женщин. Оба повелителя вступили в загробный мир, сопро-

вождаемые роскошно одетыми дамами и придворными, слугами, вооруженными воинами и несколькими арфистами. Есть основания думать, что они последовали за своими повелителями не только добровольно, но и очень охотно. Изумление археологов вызвал тот факт, что позы, сохраненные слугами и придворными в гробницах шумерских царей, не наводят на мысль о возможном сопротивлении и насильственной смерти. Ученые убеждены, что эти люди сошли в гробницу живыми и устроились в удобных и непринужденных позах. Возможно, после этого они выпили снотворное и были заколоты во сне, избежав мучительной агонии. Во всяком случае, археологические находки дают основание полагать, что в загробном мире шумеров царят патриархальные добродетели и властители пользуются любовью своих подданных.

К сожалению, добрый царь Абарги, сохранив в загробном мире свиту, повозки и лодки (их, как мы уже писали, грабители унести побоялись), потерял большую часть своего имущества. Строители, соорудившие поверх его гробницы усыпальницу для Шубад, проломили свод и вынесли все драгоценности.

Шумерская преисподняя недаром называлась «Страной без возврата», и если для попавших туда богов еще имелась возможность выйти наружу, оставив вместо себя заместителя, то у людей такой возможности не было. Живые в царство Эрешкигаль не попадали, а мертвые наружу не выходили. Правда, согласно шумерскому тексту «Гильгамеш и ива» и его аккадскому варианту «Энкиду в преисподней», слуга царя Гильгамеша, Энкиду, сошел в подземный мир живым, но выйти наружу он уже не смог. Причем, насколько известно авторам настоящей книги, это был единственный прецедент.

Сам Энкиду под землю отнюдь не торопился и отправился туда вынужденно. Дело в том, что у царя Гильгамеша имелся замечательный барабан, сделанный из древесины ивы, посаженной на берегах Евфрата еще в те далекие времена, когда небо только отделилось от земли. Впоследствии дерево было пересажено в город Урук самой богиней Инанной с тем, чтобы Гильгамеш изготовил из него кресло и ложе для богини. Гильгамеш так и поступил, а из остатков древесины сделал для себя барабан и палочки. Звук этого барабана он созывал жителей Урука на работу. Но по молитве местных дев, не отличавшихся трудолюбием, и барабан, и палочки провалились в преисподнюю. Девы наслаждались бессрочным отдыхом, но благоденствие Урука оказалось под угрозой. Принести барабан обратно на землю вызвался Энкиду. Гильгамеш дал слуге ряд ценных указаний, как вести себя в царстве Эрешкигаль, чтобы иметь шанс на возвращение:

Если ты спустишься под Землю,
Моему наставленью ты следовать должен:
Чистой одеждой не облачайся —
Они узнают, что ты чужестранец.
Добрым елеем не умащайся из сосуда —
На его запах они к тебе соберутся...
...Сандалии на ноги не надевай ты —
Шума в преисподней ты не должен делать...

Кроме того, путешественнику было запрещено целовать любимых жен и детей, сошедших в преисподнюю до него. Что касается нелюбимых жен и детей, то их в преисподней возбранялось избивать – потустороннее законодательство было много гуманней тогдашнего земного. Также в преисподней по не вполне ясным причинам не рекомендовалось бросать на землю дротик и носить посох. Все это дает вдумчивому этнографу определенное представление о семейно-брачных отношениях, гигиенических традициях и моде царства Эрешкигаль. Судя по всему, бурное проявление чувств в шумерской преисподней было не принято и

могло обратить на себя общественное внимание. Избиение нелюбимых жен и детей тоже не приветствовалось. Ношение чистой одежды и умащение елеем в царстве Эрешкигаль были редкостью. Не пользовалась популярностью и обувь, раз шум сандалий грозил привлечь особое внимание к пришельцу. Все это вступает в некоторое противоречие с археологическими находками, которые говорят о том, что шумеры и аккадцы, переселяющиеся в иной мир, брали с собой и обувь, и нарядную одежду, и косметику. Впрочем, не исключено, что они делали это лишь постольку, поскольку были мало знакомы с традициями преисподней, и что впоследствии эти одежды и шкатулки пылились без употребления... Из письменных источников известно, что облачение в чистые одежды и умащение тела или статуи покойного елеем входили в погребальный ритуал шумеров. Но эта информация не слишком противоречит сообщению Энкиду, поскольку известно, что шумерская преисподняя была местом пыльным – в эпосе о Гильгамеше говорится, что там «засовы и двери покрыты пылью», – и обитатели загробного мира могли достаточно быстро потерять свой ухоженный вид.

Энкиду, естественно, нарушил все данные Гильгамешем заповеди и даже не удержался от рукоприкладства по отношению к нелюбимой покойной жене и ребенку. После чего ему пришлось остаться в царстве Эрешкигаль навсегда. Произошло это не по воле богов, желавших наказать нечестивца, а по естественным причинам:

Когда Энкиду из земли захотел подняться, —
Нáмтар его не держит, демон его не держит,
Страж Нергала беспощадный его не держит —
Земля его держит.

Тщетно Гильгамеш бегал из храма в храм и молил богов о спасении верного слуги. Один лишь бог Эа (Энки) откликнулся на просьбу царя, но и он не мог пойти против закона. Эа лишь попросил Нергала открыть отверстие в земле, чтобы дух злосчастного Энкиду мог выйти на поверхность и рассказать Гильгамешу о быте и нравах преисподней.

Нергал исполнил просьбу старого бога, и дух Энкиду встретился с Гильгамешем. Друзья обнялись, но потом Энкиду подтвердил, что, несмотря на объятия, он всего лишь дух, а тело пребывает под землей: «как старое платье, едят его черви», и «полно оно праха». Тем не менее со слов Энкиду выяснилось, что в загробном мире все обстоит не так уж и плохо и достаточно справедливо.

«Того, кто сына родил, видал ты?» – «Видел,
Он в Земле утешен, хлеб он вкушает».
«Того, кто трех сыновей родил, видал ты?» – «Видел,
Он в Земле утешен, пьет он воду».
«Того, кто четырех сыновей родил, видал ты?» – «Видел,
Его кормят и поят, веселится его сердце».

Еще лучше оказалась участь того, кто родил пятерых сыновей, – «во Дворец он входит». Самой завидной, вероятно, была загробная судьба человека, родившего семерых, – такие упоминаются, но их воздаяние для нас остается загадкой: текст испорчен. Убитый в сражении будет утешен сразу отцом, матерью и склонившейся над ним женой... Но все эти загробные радости предстоят лишь тем, о чьей участи позаботились живые. Энкиду довелось видеть того, «чье тело брошено в степи», – «его дух в земле не имеет покоя». И совсем уж жалкий жребий ожидает того, чей дух не чтим потомками:

Из горшков объедки, хлебные крошки,

Что на улице брошены, ест он.

Сам Гильгамеш не был чужд духовных поисков и еще при жизни побывал если не в самом загробном мире, то на сопредельных территориях. Аккадский эпос повествует о том, как Гильгамеш, потеряв своего друга Энкиду (в этой версии он умер своей смертью), отправляется к праведному Утнапишти, чтобы расспросить его «о жизни и смерти». Царь проходит подземным путем, по которому сквозь гряды гор, окружающих обитаемый мир, следует солнце, переправляется через «воды смерти» и достигает места, где «при устье рек, в отдаленье» живет обретший бессмертие спаситель человечества. Из других источников известно, что Утнапишти обитает в земном раю, Дильмуне, где нет пресной воды (ее вынужден доставлять туда бог солнца Уту), поэтому сообщение об «устье двух рек» вызывает некоторое недоумение. Но можно допустить, что за более чем тридцать тысяч лет (а по одной из версий – почти за полмиллиона лет) Уту налил в Дильмуне столько воды, что образовал две небольшие речки, которые впоследствии пересохли (в наше время на Бахрейнских островах рек не существует).

Побывав в земном раю, Гильгамеш чуть было сам не обрел бессмертие: Утнапишти научил его, как добыть волшебный цветок, дарующий вечную жизнь и молодость. Альтруистичный Гильгамеш собрался не только сам обрести жизнь вечную, но и накормить замечательным цветком весь народ Урука. Случись это, поток переселенцев в царство Эрешкигаль мог полностью иссякнуть и население его стабилизировалось бы не позже 2600 года до н.э. Но по недосмотру героя цветок был украден змеей. Змея действительно тут же сбросила кожу и помолодела (по поводу обретения ею вечной жизни точных данных нет). А Гильгамеш, вернувшись в Урук и процарствовав положенное время, умер и отправился в преисподнюю, как и все шумеры.

О начальном этапе его пребывания в царстве Эрешкигаль тоже имеется некоторая информация. Сохранилась глиняная табличка, которая, по мнению исследователей, является одной из версий окончания эпоса о Гильгамеше, названного «Смерть Гильгамеша». В ней говорится о том, как царь Урука, спустившись в загробный мир, принес богатые жертвы и дары богам подземного царства и наиболее знатным его обитателям из числа людей. Причем дары эти Гильгамеш принес не только от своего имени, но и от имени тех, кто «почил вместе с ним». Это дает основание думать, что знаменитого урукского царя сопровождала в загробный мир целая свита.

Позднее покойному Гильгамешу и самому довелось принимать подарки от новых поселенцев подземного мира. Сохранилась поэма (нечто вроде погребальной песни) об Урнамму, царе города Ура, жившем в конце третьего тысячелетия. Царь тоже прибыл на новое место жительства с богатыми дарами и почтил ими семь богов подземного мира и их наиболее выдающихся подданных. Урнамму раздаривал оружие, одежду, украшения, драгоценности и корабли. Кроме того, он заколол в загробном мире волов и быков и сделал это собственноручно, поскольку свита в поэме не упоминается (вероятно, к тому времени обычай отправлять с царем его приближенных вышел из употребления). Впрочем, царю не пришлось долго сожалеть об оставленных на земле слугах: к нему тут же приставили в этом качестве нескольких ранее умерших обитателей загробного царства.

Гильгамеш ко времени смерти Урнамму сильно возвысился в табели о рангах и принял сан божества: в поэме он упомянут наравне с Нергалом, Эрешкигаль и Думузи. Интересно, что подарки получили не только главные боги, но и писец, ведущий дела загробного царства. Когда дела с подарками были улажены, Гильгамеш, видимо в благодарность, согласился выступить в качестве гида и познакомить покойного с законами и традициями «Страны без возврата». К сожалению, эта часть текста не сохранилась.

География объединенного загробного царства шумеров и аккадцев мало изучена. Известно лишь, что оно находилось под землей и что по крайней мере какая-то его часть была расположена непосредственно под Уруком (именно из Урука провалился в «Страну без возврата» пресловутый барабан). Одно из названий этого царства – Кур – когда-то означало гору и лишь позднее приобрело смысл «чужая страна». Возможно, что какая-то часть преисподней находилась под гористой местностью и вход туда вел через ущелья или пещеры. Тем, кто отправлялся в преисподнюю более цивилизованным путем, чем это сделали барабан и за ним Энкиду, следовало пересечь подземную реку – здесь существовала лодочная переправа. Парадный вход состоял из семи последовательных врат, но есть сообщение и о четырнадцати вратах, возможно ведущих в преисподнюю с разных сторон. Известно, что, когда Нергал спускался под землю для единоборства с Эрешкигаль, он поставил четырнадцать дружественных ему демонов на страже у четырнадцати ворот загробного царства.

Вопрос о небесных светилах загробного царства шумеров остается до настоящего дня невыясненным. С одной стороны, многие источники подчеркивали, что там таковых нет и быть не может. Царство Эрешкигаль называли «жилищем мрака», «домом, где живущие лишаются света», местом, где «света не видят, но во тьме обитают». С другой стороны, существует точка зрения, что солнце Уту (у аккадцев Шамаш) ночью путешествует по подземному миру, неся умершим не только свет, но и еду, и питье. Недаром аккадцы иногда именовали Шамаша «солнце мертвых душ». В этом Уту-Шамаш сходен с египетским Ра, который равно светит и живым, и мертвым. В своей знаменитой элегии на смерть отца шумерский поэт рубежа третьего – второго тысячелетий до н.э. Лудингирра прямо называет солнечного бога владыкой и судьей загробного мира:

Уту, великий владыка ада,
когда превратит темные места в светлые,
будет судить тебя [благожелательно].

Относительно лунного бога Нанны известно, что днем он путешествует по подземному царству в своей барке. Тот же Лудингирра сообщает, что Нанна, помимо своих ежедневных странствий под землей, ежемесячно проводит там «день сна» – двадцать восьмой или двадцать девятый день лунного месяца, – решая судьбы умерших.

Из коренного населения «Страны без возврата», помимо уже упомянутых нами Эрешкигаль, Нергала, Намтара и Думузи (периодически замещаемого сестрой), можно отметить Нунгаль – дочь царицы Эрешкигаль, которая, по некоторым данным, ведала загробным правосудием. Сына Эрешкигаль и Энлиля мы уже упоминали. Еще один сын Эрешкигаль, Ниназу, являясь богом подземного царства, по совместительству занимался целительством, и даже имя его в переводе с шумерского означает «господин врач». Сын Ниназу, Нингизид, тоже обитал в подземном мире, где сторожил заточенных злых демонов. Сестра Думузи, Гештинанна, вынужденно попавшая в загробный мир, нашла здесь себе дело по душе: она стала писцом, вела дела умерших и зачитывала «таблицу судеб». У аккадцев этим ведала Белет-цери, хотя возможно, богини просто сменяли друг друга – ведь Гештинанна ежегодно по шесть месяцев проводила в мире живых.

В загробном мире жили и упомянутые уже демоны галлу, и ануннаки, по крайней мере некоторые из них. Кто такие ануннаки, до сих пор толком не известно. В свое время бог Ан «приказал им родиться», что они и сделали. По некоторым сведениям, приказ бога исполнили семь ануннаков, по другим – пятьдесят и даже шестьсот. Ануннаки каким-то образом ведали судьбами людей; обитали они и под землей, и на небе. Некоторые из них исполняли судебные функции при Эрешкигаль и Нунгаль. Существует точка зрения, что они всегда выносили один-единственный приговор – смертный, после чего подсудимый, попавший в

лапы загробного правосудия, окончательно умирал и оставался в «Стране без возврата» навсегда. Но это не вполне справедливое мнение: ведь еще Энкиду подробно рассказал о вполне сносной участи шумеров, родивших должное количество сыновей или убитых в сражении (конечно, при условии, что их родственники позаботятся о необходимых заупокойных ритуалах). Это наводит на мысль, что Эрешкигаль, несмотря на все сложности своего характера, должным образом следила за исполнением правосудия во вверенном ей государстве и, несмотря на то, что выход из «Страны без возврата» был заказан, справедливость при распределении жизненных благ там соблюдалась.

Как и при переходе власти в надземном мире от шумеров к аккадцам, так и при следующем политическом потрясении – возвышении Вавилона, установившего свое господство над Месопотамией, – в загробном мире Междуречья радикальных реформ не проводилось. Тем не менее некоторые изменения произошли. Во-первых, Нергал постепенно отстранил свою жену от государственных дел и стал править единолично. Эрешкигаль сохранила титул богини, супруги и царицы, но реальную власть потеряла. Укрепляя свое положение, Нергал окружил себя множеством подвластных ему мелких божеств и демонов преисподней. Среди них, помимо уже известных нам ануннаков и галлу, появились утукки, асакки, этимме, ночные инкубы лилу, совращающие женщин, и столь же аморальные суккубы лилит, совращающие мужчин. Обитала в преисподней и львиноголовая Ламашту, похищающая детей и насылающая на них болезни, поселились и сами эти болезни, и разнообразные призраки, и злобные духи мертвецов, не получивших должного погребения. Впрочем, Нергал твердой рукой управлял всем этим пестрым разнородным скопищем. Его власть теперь не только опиралась на личный авторитет, но и поддерживалась четкой административной структурой всего мироздания.

Если раньше у шумеров и аккадцев не было верховного бога и каждый из богов пользовался определенной автономией во вверенной ему сфере, а некоторые вопросы решались демократическим путем, то во втором тысячелетии бог Мардук, бывший скромным покровителем провинциального городка Вавилона, возвысился вместе со своим городом. Выяснилось, что именно он когда-то создал мир из тела убитой им богини Тиамат, сотворил небо, землю и подземное царство. Причем все земные объекты были им задуманы лишь как отражения объектов небесных. Например, земные реки Тигр и Евфрат оказались скромным подобием небесных рек, существующих в виде созвездий. Преисподняя, в свою очередь, стала отражением своего небесного прообраза. Впрочем, на ее деятельности это не отразилось и автономии Нергал не лишился. Напротив, четкий порядок, который теперь воцарился в мироздании, требовал, чтобы каждый бог занимался своим делом, и даже верховный владыка Мардук не мог оставлять небеса, чтобы проинспектировать провинции.

Единственная попытка Мардука спуститься в загробное царство, чтобы обжечь в подземном огне загрязнившиеся знаки царской власти, потерпела неудачу. На время своего отсутствия Мардук оставил трон Эрре, богу войны и чумы. Непонятно, чем объяснялся столь странный выбор – возможно, тем, что Эрра был во многом близок Нергалу и иногда идентифицировался с ним. Спустившись в преисподнюю, Мардук в виде ответного жеста предложил Эрре-Нергалу занять его место на небе. Эрра злоупотребил предоставленной ему властью и принес на землю чуму, хаос и разруху, не пощадив даже столь любезный сердцу Мардука Вавилон. Правда, потом он признал свою вину и порядок был восстановлен. Но с тех пор Мардук, с опозданием уяснивший, что каждый бог должен сидеть на своем месте, перестал спускаться в преисподнюю и предоставил Нергалу достаточную автономию, какой тот, вероятно, и пользуется по сей день.

Так говорил Заратуштра



Во втором тысячелетии до новой эры, в те времена, когда покойные жители Вавилона мирно и без особых приключений переправлялись в царство Нергала и Эрешкигаль, их восточные соседи, жившие на территории современного Ирана, почти столь же бесконфликтно переселялись в царство Йимы (или Ямы). Души древних иранцев – «урваны» – после трехдневных сборов, во время которых родственники снаряжали их в дорогу, пересекали некую опасную преграду, возможно реку, и попадали на новое место жительства. Однако для того, чтобы стать полноправными обитателями царства Йимы, иранцам следовало выдержать довольно значительный срок существования «без гражданства». Поначалу они не пользовались никакими привилегиями и не имели доступа к общественным фондам, поэтому в течение первого месяца после смерти наследники покойного каждый день готовили и отправляли в загробный мир специальную пищу. Потом этот ритуал следовало проводить лишь раз в месяц. По истечении года приношения делались один раз в год. И лишь через тридцать лет покойный становился полноправным обитателем царства Йимы и начинал существовать за счет обобществленных даров, которые древние иранцы приносили своим усопшим в последнюю ночь старого года.

Помимо пищи повседневной, в течение первого года после смерти покойный получал от своих близких еще и три особо торжественных угощения, связанных с жертвоприношением животных. Кровавые жертвы приносились на третий и тридцатый дни и по истечении года. Впрочем, животные от этого, по#видимому, не слишком страдали, ибо их души тоже обладали своего рода бессмертием. Об этом говорят зороастрийские священные книги, которые, правда, были написаны несколько позже, но зафиксировали старую традицию. «Мы молимся нашим душам и душам домашних животных, которые кормят нас... и душам полезных диких животных», – говорится в одной из священных книг зороастризма. И если в загробной судьбе животных, умерших естественной смертью, еще можно было сомневаться, то по поводу тех, что были убиты жрецами с соблюдением должного ритуала, таких сомнений не было: их души поглощались неким Гэуш#Урваном (Душой быка), который олицетворял собой скот вообще и заботился обо всех полезных животных.

Хотя жизнь в царстве Йимы была, по#видимому, достаточно беззаботной и сытой, с течением времени часть иранцев решила отказаться от подземного благополучия и начала осваивать новые земли, точнее, небеса. Был построен мост, соединяющий земную гору Хара с небом. О том, где находится эта гора, сегодня ведутся споры. Все специалисты согласны

с тем, что это – одна из гор прародины индоиранцев (общих предков иранских и индоевропейских народов). Некоторые исследователи помещают ее на Урале или даже на скромных Северных Увалах, высота которых не превышает 293 метров над уровнем моря... Но где бы ни находился замечательный мост, преодолеть его было дано далеко не каждому: шансы были лишь у тех, кто при жизни совершал достаточное количество жертвоприношений богам. Кроме того, серьезные препоны возникали у лиц, не принадлежавших к высшим сословиям, а также у женщин и детей: они падали с моста и попадали в подземное царство Йимы.

Относительно телесного воскрешения древних иранцев точных сведений не существует. Во всяком случае, некоторые из них, видимо, не исключали возможности возродиться в новом теле с использованием старых костей. Об этом свидетельствует близкая им индийская традиция: индоарийцы, незадолго до этого отделившиеся от иранцев, кремировали тела, а кости тщательно собирали для последующего воскрешения. Иранцы, которые уже тогда почитали огонь, не хотели осквернять его соприкосновением с мертвым телом. Однако о костях следовало так или иначе позаботиться, поэтому тела покойных выставляли на открытом месте для того, чтобы птицы и звери очистили скелеты от плоти. После этого кости собирали и хоронили.

С приходом в мир пророка Заратуштры реальные шансы на небесное блаженство появились не только у царей, жрецов и воинов, но и у представителей всех сословий, не исключая женщин и детей. Трудно сказать, когда это произошло, – время жизни пророка разные специалисты помещают в разные периоды: от рубежа второго и третьего тысячелетий до середины второго, а традиционная пехлевийская хронология датирует его VII – VI веками до н.э. Во всяком случае, если стоять на точке зрения ученых, то не позже начала первого тысячелетия до новой эры двери в небо распахнулись для всех, независимо от пола, возраста и сословия. И даже жертвоприношения теперь ни от кого не требовались. Заратуштра установил новый порядок перехода небесного моста Чинват. Теперь прямо на нем заседало судилище, возглавляемое богом Митрой, которому помогали Срош (дух порядка) и Рашну (дух праведности). На специальных весах они измеряли добрые мысли, слова и дела каждой души. Другие весы были предназначены для неправедных дел и мыслей. После взвешивания и вынесения приговора перед душой, предназначенной раю, мост чудесным образом расширялся; она увлекалась в небеса прекрасной юной девушкой и оказывалась в обители бога Ормазда (Ахурамазды), олицетворяющего доброе начало. Перед грешниками мост, напротив, сужался до размеров лезвия клинка, после чего душе ничего другого не оставалось, кроме как отправляться в ад. Душу, обреченную на спуск в преисподнюю, тоже сопровождала «юная девушка», которая, однако, имела весьма отталкивающий вид. Она отводила грешника в обитель Ахримана, ведающего мировым злом. Здесь ему предстоял «долгий век страданий, мрака дурной пищи и скорбных стонов». Что же касается душ, чьи добрые и злые дела и помыслы пребывали в равновесии, они отправлялись в «Место смешанных», где ни стонов, ни дурной пищи не было, но и деликатесов тоже не предлагали.

Существуют немногочисленные последователи Заратуштры, которым довелось при жизни посетить зороастрийские царства мертвых. Но, как правило, они совершали эти путешествия не телесно, а духовно. В зороастрийской энциклопедической компиляции IX века «Дэнкард» рассказывается о том, как царь Виштасп, современник Заратуштры, способствовавший распространению новой религии, попросил благорасположенного к нему пророка показать ему место, которое он обретет после смерти. Царю дали выпить вина с беленой, после чего тот перенесся душой в рай и в подробностях осмотрел все, что его интересовало.

Таким же образом, с помощью вина, белены и конопли, побывал в раю и некто Вираз, путешествие которого описано в «Книге о праведном Виразе» (составлена в Иране в IX – X веках н.э.). Вираз, в отличие от царя Виштаспа, влекло в загробный мир не любопытство,

а необходимость укрепить современников на пути праведности. Незадолго до этого «злонравный ромей Александр из Египта», как назван в книге Александр Македонский, посеял в народе смуту и сомнения, и теперь возникла необходимость послать вестника в мир иной и получить оттуда надлежащие указания и руководства. В связи с этим маги и наставники веры «держали долгий совет и порешили так: “Следует найти способ, чтобы один из нас отправился в иной мир и принес вести из духовной сферы...”». Для путешествия «в духовную сферу» были выдвинуты семь праведников, которые, в свою очередь, выбрали того, кто был «безгрешнее и знаменитее», – а именно некоего Вираза. Тот охотно согласился на предложенное путешествие. Правда, дело несколько осложнилось тем, что «у Вираза были семь сестер, и каждая из семи была Виразу женой» (у зороастрийцев, по крайней мере древних, кровнородственный брак был признаком высшей праведности). Многочисленные жены не желали отпускать мужа в «духовную сферу», справедливо опасаясь, что из такого путешествия, будь оно духовным или телесным, можно и не вернуться. Но Вираз был тверд, а жрецы успокоили женщин, пообещав, что муж будет отсутствовать лишь семь дней. Так оно и случилось.

Ровно семь суток проспал праведник: тело его, одурманенное вином и мангом (наркотиком из конопли и белены), пребывало в храме, а душа посетила все отделения зороастрийского загробного мира. Очнувшись, Вираз передал братьям и сестрам по вере личные приветы от «господина мудрости» Ормазда, праведного Заратуштры и других богов и праведников, а потом надиктовал писцу книгу, в которой засвидетельствовал истинность зороастрийских представлений о потустороннем мире, расцветив их красочными подробностями очевидца.

С самого начала путешествия Вираз был встречен божественным Срошем и богом Адуром, которые проводили его на знаменитый мост Чинвад. Здесь Вираз наблюдал души, которые, как и положено, проходили нечто вроде трехдневного карантина в преддверии рая. При этом «в течение тех трех ночей на душу нисходит столько добра и упокоения, сколько она их видела за все время пребывания в земной жизни. Такая душа подобна человеку, спокойнее, довольнее и счастливее которого при жизни никогда не было». На третьи сутки, с рассветом, праведные души отправляются бродить «среди благоухающих растений», здесь их встречают уже упомянутые нами прекрасные девушки, которые олицетворяют духовные подвиги каждого из умерших. Ширина моста, который надлежало переходить душам, увеличивается до девяти копий, и праведники торжественно всходят на него, чтобы предстать перед судом и пройти необходимое взвешивание. Затем они направляются в рай, который расположен южнее. Но Виразу, поскольку он путешествовал с познавательными целями, по дороге в рай дали познакомиться с «чистилищем» (точнее, «Местом смешанных»). Здесь он наблюдал души, равно приверженные добру и злу: «возмездие им определено сменой погоды – то холод, то тепло. Другого воздаяния им нет».

Затем Вираз посетил все четыре круга зороастрийского рая. Надо отметить, что доступ сюда достаточно свободный и в него впускают в том числе и людей, которые не обременяли себя религиозными подвигами. Так, на его первой, «звездной», ступени пребывают те, кто в земной жизни «не возносил молитв, не пел гимнов богам... не обременял себя ни царской властью, ни правлением, ни командованием» и даже не соблюдал столь необходимого для праведных зороастрийцев обычая кровнородственных браков. Зато эти люди «были праведниками в других добрых делах», что им и зачлось, хотя они и упорствовали в грехе, отказываясь вступать в законный брак со своими сестрами и прочими близкими родственницами. И их обитель полна света, сияния и благодати.

На второй, «лунной», ступени тоже пребывают те, «кто в земной жизни не молился, не пел гимнов, не заключал кровнородственных браков. Они поселились здесь за другие благие дела. Их сияние подобно свету луны».

На третьей, «солнечной», ступени обитают те, «кто в земной жизни вершил доброе царствование, благое правление и благое командование».

И наконец, на четвертой ступени начинается собственно рай, место, предназначенное для праведников самого высшего разряда и для богов. Здесь Вираз лицезрел «души щедрых, шествовавшие, излучая сияние», а также блаженные души тех, кто в земной жизни пел гимны и молился. Души добрых владык и правителей передвигались на золотых колесницах. Никаких сословных и имущественных преград в зороастрийском раю не сохранилось, и здесь можно было увидеть и царя, и жреца, и воина, и пастуха, и праведного ремесленника; особо Вираз отмечает учителей и экзаменаторов. Половые ограничения тоже давно были отменены: Вираз видел души благомыслящих, благоречивых и послушных женщин, которые почитали мужа как господина, – они носили вышитые золотом, серебром и драгоценными камнями одежды.

Но «самые великолепные из всех одежд», конечно же, принадлежали благочестивым гражданам, жившим в кровнородственных браках. «Потом в ореоле мощно сотворенного свечения, излучавшего... горный свет, я увидел души тех, кто жил в кровнородственных браках, – говорит Вираз. – Это показалось мне замечательным».

Блаженная жизнь праведников зороастрийского рая слегка нарушается существованием здесь гидрологической системы. В раю имеются озера, возникшие из воды, которая содержалась в сырых дровах. Каждый праведник получает озеро, набежавшее из дров, которые он подкладывал в священный огонь. Бог Адур, олицетворяющий Огонь Ормазда, с упреком показывает эти озера смущенным переселенцам и советует им употреблять в топку лишь однолетние сухие поленья. Кроме того, по границе рая протекает река, образовавшаяся из слез, которые живые проливают над умершими. Чем меньше слез пролито над покойным, тем легче он преодолевает эту реку. Боги особо просили Виразу передать живущим, чтобы они меньше плакали и не усложняли своим близким доступ к загробным наслаждениям.

После посещения рая Виразу позволили познакомиться с судьбой неправедных душ. Их мучения начинаются еще до пересечения границ ада, в период трехдневного карантина. Потом грешников обдувает холодный зловонный ветер, дующий с севера (именно там расположен ад), и из этого ветра выходит обнаженная распутница, олицетворяющая грешную зороастрийскую душу, – «опустившаяся, грязная, с кривыми коленями и голым задом». Она влечет грешника через такую стужу, туман, жару и смрад, о каких он и не слышал в земной жизни.

Сам ад являет собой глубокий колодец, уходящий вниз «в угрюмую теснину, во мрак настолько темный, что можно было потрогать его рукой». Здесь снова стоит страшная вонь, при этом грешники каким-то парадоксальным образом мучаются от полного одиночества и страшной скученности одновременно. А в это время гады величиной с гору «рвут, жуют и терзают души грешников, словно собаки – кость». Впрочем, гадами и теснотой адские мучения далеко не ограничиваются. Они, в отличие от райских наслаждений, весьма разнообразны и прихотливы.

Так, содомиты наказываются змеями, которые входят у них через задний проход и выходят через рот, в то время как другие змеи пожирают грешное тело. Души проститутки подвешены за груди и тоже терзаются змеями. У человека, который в земной жизни «незаконно убил много коров, овец и других четвероногих», тело разламывают на кусочки. Вообще, людям, которые при жизни плохо обращались с животными, причитаются многочисленные и разнообразные кары: в аду им вспарывают животы, подвешивают их за одну ногу, кормят калом... Души, которые в земной жизни недостаточно чтили Творца, обречены поедать собственные испражнения. У женщин, пользовавшихся косметикой и носивших парики из чужих волос, из пальцев сочится кровь и грязь, а в глазах копошатся черви. Тяжелые наказания полагаются также тем, кто болтал во время еды, ходил в одной туфле,

мочился стоя, расчесывал над огнем волосы, часто ходил в баню и совершал прочие столь же богомерзкие преступления против нравственности.

Впрочем, для некоторых грешников делаются определенные послабления. Вираз с удивлением увидел «душу человека, которую погрузили в медный котел и варили, и только ее правая нога торчала из котла». Сопровождавшие праведника боги объяснили, что грешник терзается за связи с замужними женщинами, нога же его освобождена от наказания, так как совершала благие дела, давая жаб, муравьев, скорпионов и прочих приспешников Ахримана.

Но как бы ни были тяжки терзания зороастрийского ада, у грешников есть надежда на спасение. Всем последователям Заратуштры, как праведным, так и грешным и «смешанным», предстоит последний пересмотр дела. Впереди их ждет всеобщее воскрешение во плоти и Последний Суд. Боги расплавят весь металл в горах, и он потечет на землю раскаленной рекой, через которую предстоит пройти воскресшим телам. Грешники после этого умрут вторично и исчезнут с лица земли. Праведникам эта жидкость покажется парным молоком, и они останутся невредимы. Потом всем выжившим дадут вкусить «белой хаомы» (напиток бессмертия), и они обретут бессмертие и вечную молодость. Наслаждение их будет тем более полным, что с лица земли к этому времени исчезнут не только грешники, но и все силы зла, побежденные в последней битве противостоящих войск Ормазда и Ахримана. Последние остатки зла будут выжжены последними остатками расплавленного металла, и на земле настанет вечный зороастрийский рай, которому уже никто и ничто не сможет угрожать.

Питрилока – мир предков (индуизм)



У индусов существует несколько версий того, как возникли мир и земля. Во всяком случае, сначала вселенная состояла из воды. Что было потом, описывается по-разному. Предлагается теория о том, что земля возникла из этой воды в процессе проведенного богами пахтанья (в качестве мутовки использовалась гора, установленная на спине гигантской черепахи). Существует не менее тщательно разработанная теория о «вепре начальных времен», который нырял под воду, доставал из-под нее ил и из него создал землю. Авторам настоящей книги наиболее убедительной представляется версия сотворения мира богом-демиургом Брахмой, и они предлагают принять ее без доказательств, поскольку специальные вопросы сотворения мира выходят за рамки данного исследования.

Когда великий Брахма творил вселенную из космического яйца (из которого, кстати, вылупился и сам творец), он не стал создавать смерть. Брахма сотворил небо, землю и подземный мир, их населили добрые боги «дэвы» и злые демоны «асуры»; и те и другие были бессмертны, а людей поначалу не существовало вообще. Дэвы и асуры мирно размножались, немало детей родилось и у богини Адити (по разным источникам – от восьми до двенадцати). Все они были вполне полноценными богами, среди которых можно особо отметить Митру, Варуну и Индру, бога-громовержца, который в ведический период, примерно до шестого века до новой эры, занимал ведущее место в индийском пантеоне. И лишь один из детей Адити, Вивасват, «не удался»: он родился безруким и безногим уродом невероятной толщины. Старшие братья-боги пожалели калеку: «Он не похож на нас, он иной природы – и это плохо. Давайте переделаем его». И они вырезали из неудавшегося тела существо со всеми необходимыми конечностями. Так возник первый человек (а из обрезков – первый слон).

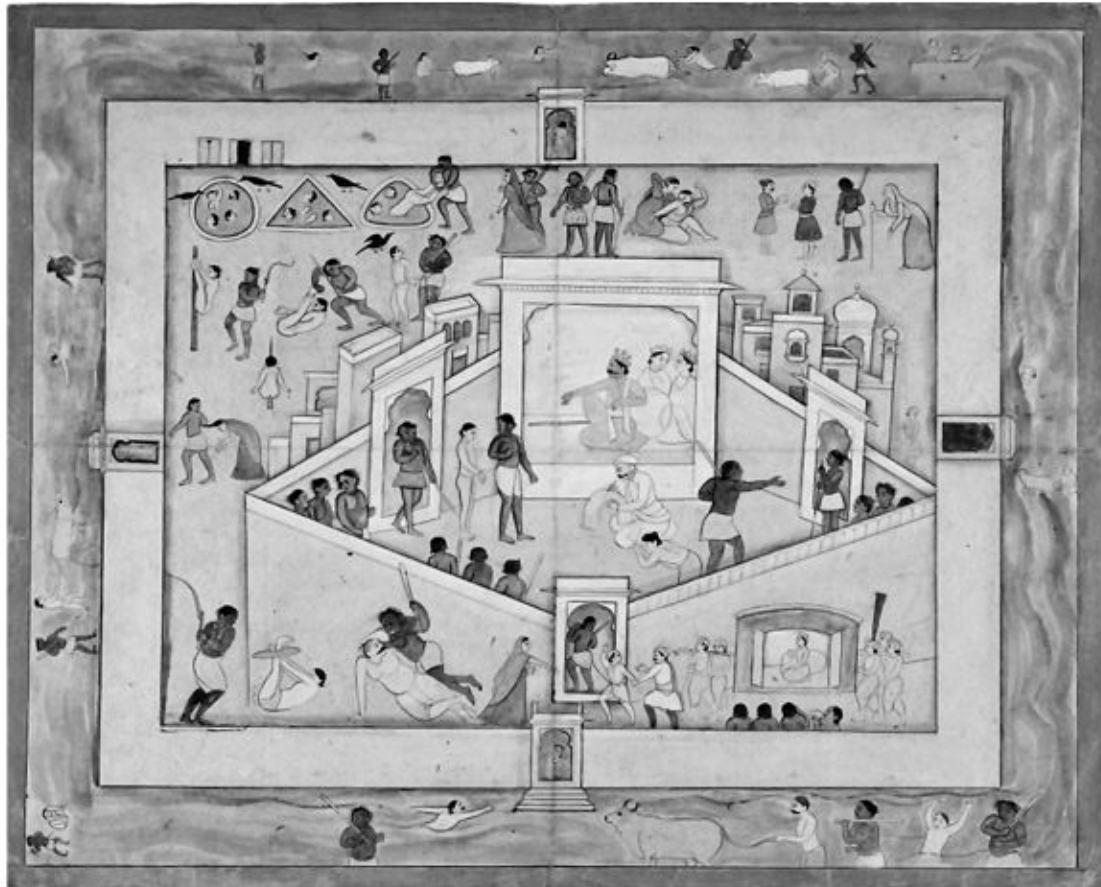
Вивасват недолго оставался человеком, очень скоро он (вероятно, не без содействия божественных братьев) снова стал божеством, олицетворяющим солнечный свет. Но дети его, Яма, Ями и Ману (те, которых он родил в бытность свою человеком), оказались людьми. Впрочем, тогда это означало лишь то, что они были лишены божественной сущности. Смерть же им не грозила, поскольку добросердечный Брахма, сотворив мир, ее попросту не предусмотрел. На земле царил золотой век, критаюга, и всем было хорошо: и людям, и животным. Всем, кроме Земли, которая начала страдать от перенаселения. В конце концов Земля обратилась к Брахме с мольбой уменьшить количество жителей.

Трудно допустить, чтобы Землю волновало количество населявших ее людей. Согласно традиционной индусской хронологии, критаюга закончилась более двух миллионов лет назад. Современные антропологи считают, что человек разумный – *homo sapiens* – появился около двухсот тысяч лет назад. Вероятно, Землю удручал живший в ту эпоху человек прямоходящий – *homo erectus*. Численность его популяции была очень невелика, и, видимо, Землю волновало общее количество живых существ. Но Брахма не стал выделять людей в особую категорию. Сначала он гневался и грозил немедленной гибелью всему живущему, но потом, под влиянием Шивы, смягчился и создал из своего тела Смерть, призванную сдерживать рост населения.

Смерть оказалась темноглазой женщиной в красном платье и с венком из лотосов на голове, причем женщиной весьма добросердечной. Сначала она рыдала и категорически отказывалась исполнять свои служебные обязанности, мотивируя это тем, что не может разлучать близких родственников и не хочет навлекать на себя проклятия людей. В конце концов Брахме пришлось пойти на компромисс: слезы Смерти он превратил в болезни, страсти и пороки, которые, собственно, и становятся причиной гибели живых существ. Смерть, таким образом, не несет ответственности за происходящее и носит титул «госпожи справедливости».

Первой жертвой Смерти стал сын Вивасвата, Яма, – он был первым человеком, попавшим в подземный загробный мир индусов. В те времена в нем правил Агни, бог огня (если можно назвать «правлением» его власть в царстве без подданных). Агни, видимо, тяготился одиноким подземным существованием и охотно уступил свое место Яме, чтобы самому стать «божественным жрецом» – посредником между людьми и богами при жертвоприношениях. Яма основал под землей новое царство под своим управлением и был причислен к лику богов. Он, несомненно, близок иранскому Йиме, но царство Йимы расположено на севере, а царство Ямы – на юге. В свое время, когда Брахма делил стороны света между главными богами – локапалами, именно Юг был отдан Яме. Восток подарили Индре (хотя он незадолго до раздела и провинился: убил брахмана, после чего долгое время прятался от позора и возмездия в стебле лотоса). Варуне, богу океана, отдали Запад. Север достался самому молодому богу, Кубере, ведающему богатством.

Интересно, что хотя именно Яма управляет царством смерти как таковым, Индра и Варуна создали у себя собственные загробные миры для наиболее любезных их сердцу покойников. Так, владыка Запада, Варуна, приглашает к себе демонов-асуров, погибших в битвах. Вообще говоря, в индийской мифологии асуры считаются врагами добрых дэвов и существами злокозненными. Но благородный Варуна тем не менее собирает у себя в подводном дворце павших асуров и старается найти в них крупинцы добра. Тех, в ком таковые крупинцы отсутствуют, он карает за грехи. А асуров получше он приобщает к добродетельной жизни, поселив в своих роскошных садах с великолепным климатом, где на деревьях поют волшебные птицы и вместо плодов растут драгоценные камни.



Двор Ямы, бога смерти. Миниатюра, ок. 1800 г. Индия

Индра тоже создал у себя отдельный рай для воинов, павших в битвах. Кроме того, сюда же попадают и некоторые другие умершие, исполненные особого благочестия. Царство Индры, Сварга́, находится на небе, здесь стоит тысячевратный город под названием Амаравати («Обитель бессмертных»). Город этот невидим для грешников. Вокруг раскинулась чудесная роща Нандана, в которой живет корова Сурабхи, умеющая исполнять любые желания. Для того чтобы не перетруждать волшебную корову, ей в помощь в Сварге растут деревья, обладающие тем же свойством. Здесь же стоит и знаменитое дерево с золотой корой, «париджата», наполняющее рай Индры замечательным благоуханием.

И лишь владыка Севера, Кубера, не стал приглашать к себе никого из умерших, несмотря на то что он по происхождению является хтоническим, то есть подземным, божеством и может иметь к загробному миру самое прямое отношение. Тем не менее Кубера предпочел реализовать свою «хтоничность», покровительствуя плодородию. Кроме того, бог богатства Кубера охраняет скрытые в земле сокровища и, видимо, поэтому не одобряет появления посторонних на подведомственной ему подземной территории. Хотя надо отметить, что некоторые из умерших все#таки попадали в его владения. По крайней мере, в «Махабхарате» говорится, что царь Дхритараштра, отец Кауравов, после смерти «обрел миры бога богатства» Куберы.

Но главное царство мертвых – Питрилока, «мир предков» – находится во владениях Ямы, на юге, за краем земли, а еще точнее – под землей. Его обитатели – не единственные жители подземного мира. Первыми под поверхностью лежат семь ярусов Паталы – мира, где живут дайтьи, данавы и другие существа, противостоящие небесным богам. На нижнем, седьмом ярусе Паталы обитают наги – обладатели змеиных туловищ и человеческих

голов. Впрочем, иногда наги принимают вполне гуманоидный облик и живут среди людей, а женщины-нагини славятся невероятной красотой. Но жизнь под землей для нагов предпочтительнее – их государство Нагалока считается, по утверждению знаменитого индийского мудреца Нарады, лучшим в мире местом. И лишь еще глубже, под царством нагов, лежат семь уровней загробного царства Ямы.

Питрилоку отделяют от остального мира воды священной Ганги, которая, как известно, протекает и по земле, и по небу, и под землей, орошая собою весь обитаемый мир. В своем нижнем течении Ганга называется Вайтарани, она уходит под землю зловонным потоком, полным крови, костей и волос и населенным разнообразной нечистью. В отличие от реки, опоясывающей шумеро-аккадскую «Страну без возврата», или от греческого Ахерона, Вайтарани не оборудована лодочной переправой. Пересечь ее и попасть в царство Ямы можно только с помощью коровы, причем не верхом, а держась за хвост священного животного. В древности коров, необходимых для переправы, приносили в жертву во время похорон. Каждый покойник появлялся на берегах Вайтарани со своей собственной коровой, и они, надо полагать, загромодили местность и вызвали своего рода экологическую катастрофу. Пришлось изменить традицию: коров перестали приносить в жертву и начали дарить жрецам. Таким образом, животные, понукаемые молитвами жрецов, помогают усопшим душам преодолеть коварную реку, но мира живых при этом окончательно не покидают и продолжают с пользой давать молоко в жреческих подсобных хозяйствах.

Из других наиболее интересных животных царства Ямы следует отметить двух пестрых псов, возможно являющихся родственниками греческого Цербера. У них по четыре глаза (у Цербера – шесть на трех головах). Одного из псов зовут Шарбар, что тоже напоминает о знаменитом стороже Аида. Вероятно, предки замечательных псов принадлежали древним ариям и одна из ветвей собачьего рода отправилась в Индию вместе с индоариями, а вторая попала в Грецию через степи Южной Европы с другой волной переселенцев.

Следует отметить, что животный мир Питрилоки весьма богат. В «Гаруда-Пуране», одном из священных текстов индуизма, описываются обитающие здесь львы, тигры, собаки и змеи. Птицы представлены совами, ястребами, стервятниками и воронами с железными клювами. Из насекомых водятся скорпионы, пчелы и москиты. В реке обитают крокодилы, черепахи, рыбы, пиявки... Природа Питрилоки разнообразна, но недружелюбна по отношению к человеку. Источников питьевой воды здесь нет. Упомянуты колодцы, но вода, видимо, непригодна для питья, и колодцы созданы для того, чтобы путник в них проваливался. Встречаются озера гноя, крови и испражнений.

Рельеф страны и природные зоны также разнообразны. Здесь есть горы и холмы, глубокие ущелья и долины. В горах часты камнепады и селевые потоки. Особо следует отметить равнину, покрытую своеобразным горячим песком из частиц меди, и гору из горячей золы. Значительную часть страны занимают труднопроходимые леса; порода деревьев, листья которых напоминают острые мечи, видимо, не имеет аналогов в мире живых. Из знакомых нам деревьев источник упоминает неизвестно как оказавшуюся в этом мире ужасов «восхитительную смоковницу», растущую на берегах реки Пушпабхадры.

Климат страны резко континентальный. В «Гаруда-Пуране» упомянуты зоны, где царит «холод в сотни раз более сильный, чем холод Гималаев». В то же время «двенадцать солнц», сияющие над Питрилокой, «нестерпимо жарки».

Все прибывающие в Питрилоку прежде всего подлежат суду, который осуществляется непосредственно Ямой. Для того чтобы попасть к загробному судилищу, умершие должны проделать долгий путь через всю страну, пересекая упомянутые выше природные зоны. По дороге они посещают шестнадцать городов Питрилоки (столицей является последний, семнадцатый). Тем временем их бесплотные души питаются рисовыми шариками, которые им приносят оставшиеся в мире живых родственники. Эти шарики позволяют умершему обре-

сти некое подобие тела – оно понадобится для того, чтобы он мог в полной мере получить все муки или радости загробного воздаяния.

Путь к месту суда обычно занимает целый год. Здесь, в огромном городе Царя Справедливости, заседает Яма, традиционно одетый в ярко-красное платье, с венцом на голове. В руках у Ямы знаки его власти – булава и петля, которой он вынимает душу из умершего. Секретарь бога, Читрагупта, докладывает царю о земных деяниях каждого новоприбывшего, после чего Яма определяет ему место либо в раю, либо в одном из отделений ада. Некоторым в виде на жительство сразу отказывают и отправляют их обратно на землю для перерождения.

Грешников, попадающих в ад (называемый «Нарака»), терзают по-разному: одних зарывают в раскаленный песок, других погружают в кипящее масло или в горящую нефть. Их грызут собаки и поедают черви; служители ада жгут их огнем, колют копьями, бросают под ноги бешеным слонам. Тела некоторых наполовину топят в смоле, а в головы вонзают стрелы. Многих спрессовывают, как сахарный тростник... В «Махабхарате» рассказывается, как царь Юдхиштхира и мудрец Нарада посетили Нараку:

«Путь их был неблагим и тяжким, служил он обиталищем деяниям греховным. Окутанный тьмой, ужасный, весь в пятнах зелени от тины – человеческих волос, он был уготован грешникам, зловонный от [гниющей] плоти, крови, жира. Вокруг кишели мухи, жалящие гады, рои слепней и ос; усеян был повсюду трупами тот путь, покрыт костями и прядями волос, кишел червями, полон муравьев и окружен со всех сторон пылающим огнем. Железноклювые стервятники и стаи воронья носились там, кружили преты с клыками- иглами, подобные вершинам Виндхья. Измазанные кровью, жиром, со вспоротым нутром и с отсеченными руками и ногами [трупы] лежали там и тут. Царь Юдхиштхира, верный дхарме, шел смердящим трупами [путем], вздымавшим волосы от ужаса, погруженный в глубокие думы. Там увидел он реку неодолимую, полную кипящей воды, и лес, [на деревьях] которого вместо листьев были разящие ножи и мечи, а рядом – раскаленные пески и железные глыбы, железные котлы с кипящим маслом... Вот каковы были страдания, [что уготованы] грешникам».

Грехи, за которые Яма карает своих подданных, многообразны. Помимо обычных и всем понятных грехов вроде убийства, прелюбодеяния или религиозного небрежения, есть и специфические провинности. Согласно «Гаруда-Пуране», в индуистском аду наказываются те, «кто не слушает хорошего совета», «кто глуп», «кто считает себя просвещенным», а также те, кто имел неосторожность поздороваться с брахманом, имеющим детей от женщины из низшей касты шудр. Для праведников в царстве Ямы предназначен богатый дворец, где они предаются разнообразным наслаждениям. Но дворец этот, несмотря на всю свою пышность, расположен, в отличие от воинского рая Индры, под землей. Впрочем, у праведных подданных Ямы есть развлечение, которое с лихвой искупает для них дефицит света и воздуха, хотя и является, с точки зрения современного человека, противозаконным и аморальным: жители Питрилоки в огромных количествах употребляют наркотическую сому. Как известно, из сомы состоит луна. Время от времени подданные Ямы так увлекаются священным напитком, что от луны мало что остается и она становится ущербной, пока солнце не наполнит ее снова.

Войны в загробном мире – явление редкое, но царству Ямы однажды довелось пережить серьезное вооруженное вторжение, которое едва не привело к полному его разгрому. Случилось это в глубокой древности, когда могучий демон Равана получил в дар от Брахмы редкостное свойство: он стал неуязвимым для богов и демонов. Почувствовав свою безнаказанность, Равана начал завоевывать миры индуистской вселенной. Во главе войска демонов-ракшасов он вторгся во владения Ямы и освободил мучившихся там грешников. Тогда Яма взялся за оружие сам и обратил воинов Раваны в бегство. Для того чтобы предотвратить

единобожество Ямы и Раваны, в царство мертвых пришлось спуститься самому Брахме. Он обратился к правителю подземного мира с просьбой не поражать захватчика и не нарушать тем самым постановления о его неуязвимости. Яма согласился на мировую при условии, что ему вернут его подданных. Брахма не возражал, и Раване пришлось уступить – он покинул царство мертвых, считая себя победителем, но грешники были возвращены к местам их мучений... Несмотря на то что суд Ямы беспристрастен и сам Яма нередко отождествляется с богом справедливости Дхармой, судит он не только по делам самого покойного, но и учитывает его родственные связи. Посмертная судьба подданных Ямы может оказаться печальной, если у них в роду есть, например, лжесвидетели. В «Махабхарате» говорится: «...свидетель, который на заданный вопрос ответит иначе, зная, как было на самом деле, погубит своих предков, а также семь поколений (очевидно, будущих. – О. И.) в роду».

Безрадостной бывает и участь покойных, чей род по мужской линии прервался. В той же «Махабхарате» описывается некто Джараткара, праведник, предававшийся «суровым аскетическим подвигам». Подвиги эти были столь суровы, что Джараткара, научившийся полностью усмирять плоть, не имел потомства и засчитывал это себе в заслугу. Но однажды, странствуя по свету, аскет «увидел своих праотцев, висящих в глубокой яме ногами вверх, а головами вниз». Мучения старцев усугублялись крысой, «тайно живущей в той же яме». Выяснилось, что в яме (видимо, это был один из участков ада) истязаются предки героя, которые были столь же «суровы в обетах», как и сам аскет, по каковой причине они имели на всех лишь одного потомка, самого Джараткару. И теперь, если он не родит хотя бы одного сына, род их угаснет и посмертная судьба праотцев не сможет измениться к лучшему. Видя мучения старцев, Джараткара немедленно устыдился, снял с себя принятые обеты и воскликнул: «...я приложу старания к тому, чтобы жениться, о праотцы!.. И тогда родится потомство ради вашего спасения. Достигнув вечного местопребывания, радуйтесь, о мои отцы!».

Джараткара сдержал слово, родил сына и «отправился на небо вместе со своими предками». Но поскольку в Индии всегда существовало множество аскетов, можно опасаться, что не одни лишь предки Джараткары, но и миллионы других жителей Питрилоки безвинно терпят мучения, расплачиваясь за воздержание своих потомков.

Еще одна аналогичная история, описанная в «Махабхарате», рассказывает о том, как уже не праотцы, а сам аскет не мог достигнуть рая, поскольку не имел детей. Некто «славный Мандапала, суровый в обетах и сведущий в ведах отшельник», находил радость в законе и изучении вед и «пошел по пути мудрецов, удерживавших свое семя». Достигнув предела подвижничества и оставив свое тело, Мандапала, полный надежд на лучшее, отправился в страну предков, но с удивлением обнаружил, что райские миры закрыты для него. Боги объяснили незадачливому аскету: «Эти миры закрыты для тебя из-за отсутствия потомства. Произведи его, и тогда ты будешь наслаждаться нетленными мирами».

Мандапала готов был исполнить волю богов, но его положение осложнялось тем, что он успел лишиться тела. Конечно, для индуса не составляло особых проблем родиться вновь, но аскетические подвиги утомили подвижника, он жаждал рая, и ему вовсе не улыбалось становиться младенцем и начинать все сначала. «Где же можно в короткое время приобрести многочисленное потомство?» – размышлял Мандапала. В конце концов он решил, что «только птицы рождаются быстро». После чего аскет обернулся трясогузкой, сошелся с самкой и «произвел от нее четырех сыновей, которые были сведущи в ведах».

Требование, чтобы жители Питрилоки не были бездетными, – это не просто прихоть Ямы и не бюрократическая придирка. Отбытие индуса в иной мир – сложная процедура, которую по традиции должны организовать его родственники. Причем душа покойного не сразу достигает мира предков, и ее нужно достаточно долго ежедневно кормить, поить и обулаивать. Система обрядов, жертвоприношений и подарков жрецам тщательно разработана. Души ранее почивших предков тоже имеют в этом свою долю. А когда душа готова к

переходу в царство мертвых на постоянное жительство (иногда это случается даже через год после смерти), проводится еще один сложный обряд, «сапиндикарана». Человек, не имеющий детей, не может быть уверен, что дальние родственники или посторонние люди обеспечат для него весь необходимый ритуал. Поэтому некоторые особо мнительные индийцы проводят собственные похоронные обряды еще при жизни, заменяя труп его изображением. Это надежное средство попасть в рай, причем досрочно: считается, что люди, чьи похороны уже завершились, умирают очень скоро.

Впрочем, бывает и обратная ситуация: заботливые родственники совершают похоронный обряд, провожая в царство Ямы человека, пропавшего без вести, а он через некоторое время возвращается домой. Это вызывает немалые затруднения, поскольку не только с юридической, но и с религиозной, и с социальной точки зрения человек этот становится подданным Ямы, а двойное гражданство в данном случае категорически запрещено. Требуется сложная система обрядов, воссоздающих весь жизненный цикл от зачатия и рождения до свадьбы, чтобы «покойный» мог снова стать полноправным членом мира живых.

Какова бы ни была посмертная судьба человека, рано или поздно она, как правило, подвергается пересмотру, и душа отправляется на новый круг перерождений. Приговоры, выносимые Ямой, могут предполагать длительный, но не «пожизненный» срок. И в раю, и в аду душа пребывает лишь столько, сколько она заслужила в своем последнем воплощении, после чего ей снова предстоит искать себе новое тело в соответствии со своими заслугами. В «Яджурведе» сказано: «О душа, сверкающая подобно солнцу, после кремации, смешавшись с огнем и землей для нового рождения и найдя прибежище в материнском чреве, ты рождаешься вновь. О душа, достигая чрева вновь и вновь, ты безмятежно покоишься в материнском теле как ребенок, спящий на руках у матери».

«Бхагавад-гита» говорит: «Как человек, снимая старые одежды, надевает новые, так и душа входит в новые материальные тела, оставляя старые и бесполезные».

Варианты новых тел и судеб предлагаются самые разнообразные. «Гаруда-Пурана» сообщает, что на свете существует 8 400 000 форм жизни и души могут вновь стать «деревьями, кустами, растениями, пресмыкающимися, скалами или травами... насекомыми, птицами, животными и рыбами». Выбор предлагается огромный, но душа не вполне свободна в этом выборе. Существуют грехи прежней жизни, которые однозначно определяют канву жизни будущей. Так, согласно «Гаруда-Пуране», убийца коровы станет горбуном, «кто обхаживает жену учителя, тот будет страдать от заболеваний кожи», «тот, кто ест сладости, не предлагая их другим, рождается с зобом», а «кто ворует пищу – станет крысой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.